

П. П. Бажов

ЗЕЛЁНАЯ КОБЫЛКА

Издательство
"Детская литература"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

П. БАЖОВ

ЗЕЛЁНАЯ КОБЫЛКА

Повесть

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

Р2
Б16

Рисунки Б. Шахова

Бажов П. П.

Б 16   Зелёная кобылка. Повесть. Рис. Б. Шахова.
М., «Детская литература», 1976.

64 с. с ил. (Школьная библиотека для нерусских школ).

Повесть о жизни ребят, выросших в среде старых уральских мастеров,
которые создавали русскую металлургию.

Р2

Б 70802—324 484—76
М101(03)76

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО РОДИНА

Богат и прекрасен горный Уральский край. Красивы его высокие сосновые леса, глубокий синий озёра, зелёны сопки. А внутри гор, в недрах земли хранятся запасы угля, золота, меди и платины, мрамора и малахита, яшмы и изумруда. Вот почему более двухсот лет назад возникла здесь горнозаводская промышленность, появились первые заводы и рудники.

На одном из таких старинных уральских заводов родился в 1879 году Павел Петрович Бажов — автор этой книги. Семья его была рабочей. И отец Бажова, и дед, и прадед всю жизнь работали у медеплавильных печей и назывались людьми «огненного труда».

Маленький Павлуша рос в заводской среде, слушал рассказы взрослых о работе умелых мастеров, о тайнах уральских гор, где до времени спрятаны «земляные богатства». По вечерам, с другими ребятами, бегал он на Думную гору к старому сторожу — дедушке Слышко. Дед охотно рассказывал им о том, «как в старину люди жили», и о сказочном змее Пóлозе, дочерях его Змеёвках да о Хозяйке Медной горы, которые, как говорят, охраняют богатства уральских недр.

В эти тихие вечерние часы на Думной горе открывалась детям красота родного края. «Вблизи, — вспоминает писатель, — виднелась круглая, будто переполненная чаша Полёвского пруда, а вдаль, за Гумешёвским рудником и заводским посёлком, возникала красивая лесная картина — тёмно-синие волны густого хвойного бора». Слушая старика рабочего, учился будущий писатель видеть и понимать Урал, гордиться смелыми на выдумку, даровитыми уральскими мастерами.

Позднее, взрослым уже человеком, Бажов много бродил по другим заводам и рудникам, записывал рассказы сталеваров, литейщиков, оружейников, камнерезов, изучал их труд. В годы гражданской войны стал Бажов коммунистом, воевал на Урале, в Сибири и Алтае. Потом работал в газете. И, только когда накопил много знаний, жизненного опыта, стал он писателем. Но первые важные уроки получил Бажов ещё в детстве, в родном заводском посёлке, у простых рабочих, в собственной семье, от тех трудовых людей, которые всегда умели «не книзу глядеть — на то, что сделано», а «кверху — как лучше делать надо».

Написал Павел Бажов чудесную книгу «Малахитовая шкатулка». В ней он рассказывал о том, что видел и слышал за долгие годы своей жизни на Урале среди русских мастеров, упорных в труде и смелых на выдумку.

Немало есть в «Малахитовой шкатулке» сказочных героев и сказочных событий. Но говорит о них Бажов с лукавой усмешкой. Словно подсказывает читателю: а ну-ка, сам разберись, что было, а чего не было. Так в одном сказе герой его, мальчик Федюнька, заблудился зимой в лесу и совсем уж пропада́л, да встретился с девчоночкой «Огневúшкой-поскакúшкой», хозяйкой «верхового зóлота», того, что хранится в верхних пласта́х земли. Пожалела она Федюньку, подарила ему «волшебную» лопатку. Лопатка хоть старенькая, а в ней чудесные свойства: помогла она Федюньке зарубки сделать, ме-

сто, где зóлото он нашёл, отмётить, а крóме того, «в снегу согрела и домóй вывела».

А ведь «сперва Федюнька чуть не выпустил лопату из рук, потом наловчился, и дело гладко пошло...». Чудесные свойства «сказочной» лопатки — это не что иное, как умелость и сноровка человеческих рук, которые её держат.

Откуда же у человека берётся умелость, мастерство? Вот об этом рассказывает нам другая книжка Пávла Бажóва — «Зелёная кобылка».

В ней писатель вспоминает своё собственное детство, своих товарищей по играм, всю ту заводскую среду, в которой он рос и воспитывался. «Да, — говорит писатель, — знали мы и нужду, и голод, и тяжёлый труд, но ребята не слабосильными росли: из них ведь выходили те мастера и подмастерья, которые играючи ворочали клещами шестипудовые крицы (куски железа) и подбрасывали в валок тяжёлые полосы раскалённого железа».

В чём же дело было? А в том, что с самого детства здесь воспитывалось уважение к труду. Ребята по мере сил старались помогать семье: «Пойти на рыбалку, — вспоминает писатель, — значило добыть на ушку, а то и на две, в лес сходить — принести матери ягод или грибов. Лишь хорошо поработав, можно было завоевать признание окружающих — в семье, у соседей, в заводском посёлке». А добиться уважения среди тех, кто сам является умельцем, добрым мастером, было не просто. Писатель рассказывает о детских играх, которые становились настоящим соревнованием в том, кто лучше плавает, лучше бегает, более меток. И всё это «измерялось, проверялось, всячески взвешивалось» самими ребятами и отдавалось на суд старших.

Весело и с доброй улыбкой рассказывает писатель о детских годах ребят из рабочей среды. Но серьёзно и с большой любовью говорит он о тех, кто создавал русскую металлур-

гию, работая ещё на старых «деми́довских» заводах. Истóрия не должнá забывáть, что глáвное — не знамени́тые заво́дчики, а ру́сские тру́женики: «Не са́ми Деми́довы руду́ иска́ли, не са́ми пла́вили да до де́ла доводи́ли. А ведь тут мно́го зóрких глаз да умéлых рук трéбовалось. Немáло и смекáлки и вь́думки прило́жено, чтоб деми́довское желе́зо на сла́ву вь́шло и за гра́ницу поéхало. Знамени́тые, на́до ду́мать, масте́ра бы́ли, да в за́писи не попа́ли».

По́ведь «Зелёная кобы́лка» рассказывае́т нам о том, как росли́ и воспи́тывались э́ти бу́дущие «знамени́тые масте́ра», в трудо́вой заводско́й среде́. К ним по пра́ву принадлежи́т и сам Па́вел Петро́вич, замеча́тельный ру́сский писáтель и умéлец.

Л. Скоринó

ЗА БОЛЬШИМИ ОКУНЯМИ

В то лето, 1889 года, мы усердно занимались рыбной ловлей. Только это уж была не забава, как раньше. Ведь мы не маленькие! Каждому шёл десятый год, все трое перешли в третье, и последнее, отделение заводской школы и стали звать друг друга на «ша»: Пётша, Кольша, Егórша, как работавшие на заводе подростки. Пора было помогать чём-то семье. И вот мы сидели утрами на окуневых местах¹, вечерами выискивали ершей, в полдень охотились за чебаками. Наши семейные нередко хвалили за это.

— По рыбу в люди не ходим, свой рыболов вырос, — скажет при тебе мать.

---

¹ На окуневых местах — там, где водятся окуни.

Иной раз отец одобрит:

— Хоть мелконька рыбка, а всё — ушка!

Понятно, что такие разговоры подбадривали нас, но всё-таки тут было что-то вроде шуток: говорят, а сами посмеиваются.

Вот бы так наудить, чтобы не смеялись! С полведра бы окуней, да все крупных! Либо ершей-четвертовиков!¹

— Давай, ребята, сходим на Вершинки, — предложил вечером Пётка. — Вот бы половили! Там, сказывают, всегда клёв. Сходим завтра?

— Не отпустят, поди, одних-то.

— Это уж так точно, не отпустят, — согласился Пётка. — А мы так...

— Отлупят тогда.

— Не отлупят. Мы скажем, будто на Пески пошли, либо к Перевозной на целый день, а сами туда...

— Наскочишь на кого на перевозе-то... Мало ли наших на Вершинки бегают. Яшу-то Лесину забыл? — сказал Колёшка.

— А мы трактом².

— Далекó так-то.

— Десять-то вёрст далекó? Ты маленький, что ли? Не дойдёшь?

— Ну-к, ладно не то, — согласился Колёшка. — Червёй надо накопать, а завтра пораньше пойдём. Не проспим?

— У нас Гриньша в утренней смене. Разбудит меня, — успокоил Пётка.

Вершинки — это завод на той же речке Горянке, на которой жили и мы. Посёлок при заводе был маленький, а пруд гораздо больше нашего, горянского. О рыбалке на этом пруду мы давно думали. Мешало одно — не отпускали. По зимней дороге до Вершинок считалось меньше пяти вёрст. Летом пешие рабочие ходили через Перевозную гору, от неё переплывали пруд на лодках или пароме и выходили на зимник³.

---

¹ Ершей-четвертовиков — крупных ершей, в четверть аршина; аршин — старая мера длины, немного меньше метра.

² Трактом — большой проезжей дорогой.

³ Зимник — зимняя дорога.

Этот путь был немногим больше пяти вёрст. Но ездить так было нельзя: хлопотливо с перевозом и очень крутой спуск с Перевозной горы. Ездили трактом вдоль пруда. Эта дорога была много длиннее. По ней до Вершинок считалось больше десяти вёрст. Выбрали мы эту длинную дорогу потому, что тут не ждали встретить никого из знакомых взрослых. К тому же на перевозе у нас был враг — угрюмый старик перевозчик Яша Лесина. Раз как-то мы угнали у него лодку, так еле улепетнули¹. Вдогонку ещё сколько орал:

— Я вас, мошёнников! Поймаю, так оборву головы-то! Тому вон черныш большоголовому первому!

Колюшка потом, правда, говорил:

— Ну, этак он всем ребятам грозит. Где ему всех упомнить, кто лодку угонит.

Мы с Петькой, однако, побаивались:

— А вдруг узнаёт! Не зря же он про Петькину голову кричал. Заметил, видно.

Уйти из дому на целый день с удочками было просто. Сказались, что пошли до вечера на Пески, а то и к Перевозной горе. В ответ каждый получил строгий наказ:

— Гляди, чтобы к потёмкам домой! Слышал?

Открыто взяли по хорошему ломтю хлеба да по такому же тайком. Каждый не забыл по щепотке соли и нащипал в огороде лукового пера. Червянки были полны, и удочки приготовлены с вечера. Сначала шли хорошо. Было ещё рано, хотя уже становилось жарко.

На пятой версте от Горянки есть участок Красик. Тут был когда-то железный рудник, потом около этого места мыли золото, а теперь по красноватому каменистому грунту весело журчали мелкие ручейки. Живая струя в жаркий день кого не остановит! Стали мы собирать разноцветные галечки². Потом кто-то сказал:

— Ребята, а вдруг тут самородок? ³

— А что ты думаешь — бывает. Поверху находят.

— Вот бы нам! А? Это бы так точно, — сказал Петька.

---

¹ Улепетнули — убежали.

² Галечки — камешки.

³ Самородок — кусок чистого золота.

— Хоть бы маленький!

— Я бы первым делом жерличных шнурков¹ купил. На шестьдесят бы копеек! Три клубка.

— Найди сперва!

Самородок, конечно, не нашли, но по ручьям спустились к пруду, который в этом месте близко подходит к дороге. Как тут не выкупаться? И место как нельзя лучше.

После купания стали осматривать свой запас. У каждого было по два ломтя хлеба, по щепотке соли и по пучку лукового пера. До спасова дня² нам запрещалось рвать лук с голówками, но у Пётки всё-таки оказалось три луковицы, у меня — две. По поводу моих ломтей Пётка заметил:

— Тебе, Егорша, видно, бабушка резала? Ишь какие толстые.

У Колюшки не было луковиц, да и ломти оказались тоненькими.

Пётка выбрал самую большую луковицу и протянул ему:

— Берё, Медвёдко, да вперёд учись у больших!

— Ну-к, я, поди-ка, старше тебя.

— На месяц! О чём говорить! Ты вот лучше померяйся со мной! Увидишь, кто больше.

Я отделил Колюшке половину своего ломтя, но уж ничего не сказал. Наши отцы все жили не звонко³, но Колюшке всё-таки приходилось хуже всех.

Когда так подравняли запасы, все отломали по кусочку.

— Эх, с лучком-то! Это так точно! — воскликнул Пётка.

— Здорово хорошо.

— Ребята, дорога-то как кружит! Сколько идём, а Перевозная гора — вот она. Совсем близко.

— Сперва ведь Мохнательную обходили. Она вон какая широкая!

— Про что я и говорю. От Перевозной к этому бы месту.

Под разговоры о прямой дороге мы незамётно и съели весь хлеб до крошки. У каждого осталась лишь соль — было с чем

---

¹ Жерличных шнурков — шнурков для жерлицы (снасти для ловли щук).

² Спасов день — церковный праздник; с этого дня разрешалось есть плоды и некоторые овощи.

³ Не звонко — не богато.

уху сварить. И посуда была: все трое вместо корзинок тащили на этот раз по ведёрку.

Выкупались ещё раз, «на дорожку», и пошли. После еды и купания идти стало легче, приятнее. Стали заглядывать в лес, не попадутся ли ягоды.

Вдруг Пётка закричал:

— Ребята, зелёная! У куста села!

И он бросился к кусту, из которого сейчас же выпрыгнула большая ярко-зелёная кобылка¹. Мы не хуже Пётки знали, что на такую кобылку хорошо берёт крупный елец и чебак, и тоже стали ловить её. Такая кобылка встречается не часто и очень далеко прыгает. Втроём всё-таки одолели, и Пётка понёс полузадавленную добычу. Мы ему наказывали:

— Гляди, Пётша, не выпусти! Они страсть живучие!

Пётка хвастливо уверял:

— У нас не вырвется! Не такому попала!

Пёткино хвастовство показалось обидным.

— Подумаешь! Ловко не выпустить-то, коли я её раз хлопнул да другой раз ножку обломил. Куда поскочит хромая-то?

Мы предлагали Пётке: «Давай я понесу», — но он важничал, напоминая, что это он увидел и поймал кобылку.

— Вот хвастун! Ещё бы не поймать, коли мы её оглушили! Задаётся теперь. Да мы такого барахла сколько хочешь наловим.

Не сговариваясь, мы с Колюшкой бросились ловить кобылок. Их было много. Чаще всего попадались жирные желтяки, которые смолку дают. Зажмёшь такую в кулак, поскочишь кругом на одной ножке да попросишь: «Кобылка, кобылка, дай мне смолки!» — она и выпустит каплю. Чёрная, густая, как есть смола! Много было серовиков, каменюшек, остроголовиков. Реже попадались чёрные летунцы, но зелёной не было. Пётка посмеивался:

— То, да не то. Не то-о!

Зато наша добыча не требовала такой охраны, как Пёткина. Сдавишь пойманным головки и бросаешь в ведёрко. Там

---

¹ К о б ы л к а — насекомое; кобылка, или кузнечик, служит хорошей приманкой для рыбы.

они и ползают вокруг тряпочки с солью и смолку оставляют, хоть их никто не просит.

Мы так занялись ловлей кобылок, что Пётка взвыл:

— Ребята, что в сам-деле! Кобылок мы пошли ловить а́ли на Вершинки за рыбой? Пойдём скорее! Мало ли таких кобылок! Неси мою, кому охота.

— Ага, покорился!

Я осторожно перехватил зелёную кобылку, и мы зашагали по дороге. Вскоре вышли на урочище речки¹. По-настоящему, это два рукава² нашего горянского пруда, через которые переброшены мосты. Один побольше, другой во́все маленький. Первый прошли спокойно, но на втором остановились. Соблазнило место. В тихой воде были видны заросли щучьей травы, расположенной грядами. По воде плавали на гибких стеблях круглые листья купавок, и везде расходились большие и маленькие круги от «плавившейся» рыбы.

Как пройти мимо такого места с зелёной кобылкой? Только Колюшка настойчиво твердил:

— Пошли, ребята, до места! Тут во́все близко, версты, поди, не будет.

Уговорить нас всё-таки ему не удалось.

— Мы только попробуем. Скорехонько. Ты иди потихоньку один.

Когда Пётка разматывал удочку, Колюшка ещё пригрозил:

— Глядите, ребята, заведёт вас эта зелёная!

— Куда заведёт?

— А вот увидишь. Как вечером драть станут, так поминай меня.

— Тебе какая печаль?

— Ну-к, мне столько же попадёт. Знаешь ведь, у нас матери? «Заединщина — заодно и получай!» Только и слов у них, а отцы похваляют: «Пуцай без обиды растут!» Говори вот вам!

— Не бойся, Кольша! Мы только два разичка. Это уж так точно. Без этого не пойдём.

---

¹ Урочище речки — место, где начинается река.

² Рука́в — отделившийся от основного русла водяной проток реки, озера, пруда.

Пётка насадил кобылку, поплевал ей на головку и забросил в середину самого дальнего прогала¹, какой можно было достать удочкой. Не прошло и полминуты, как поплавок глубоко нырнул, удище дрогнуло, и Пётка, закусив губу, как в драке, выметнул на мост большую рыбину. Это был елец, но Пётка для важности назвал его подъязком. Мы не спорили — уж очень крупный елец. Такого можно и подъязком звать. Пётке повезло: зелёная кобылка оказалась нетронутой, и он снова забросил соблазнительную приманку. Но на этот раз с поплавком было спокойно. Пётка терпеливо ждал и в утешение себе говорил:

— Подъязков-то в нашем пруду так точно, а мелочь и подойти боится.

Чтобы не стоять зря, мы с Колюшкой тоже размотали удочки. Колюшка попробовал на червя, и вышло неплохо. Мелкие окунишки брали «по-собачьи», с трудом крючок достанешь. О насадке беспокоиться не приходилось — лишь бы прикрывала жальце крючка.

У меня тоже стали клевать мелкие ельцы и чебачишки. Пётка всё чаще начал коситься в нашу сторону, но всё ещё надеялся на свою зелёную кобылку.

— Пф! Мелочь у вас! Такая к моей кобылке небось не подойдёт.

Но вот у него потянуло поплавок. Пётка насторожился, опять закусил губу, ловко подсёк и вымахнул малюсенького чебачишку. Мы с Колюшкой захохотали:

— О-о! Замох большой — добыча малая.

— Вот тебе и бояться!

Пётка сорвал с крючка чебачишку, швырнул его в воду, раскрошил и разбросал по мосту свою зелёную кобылку.

— Пошли не то, ребята! Пошевеливайся!

Но у Кольки брали окунишки, и он не прочь бы тут остаться до вечера.

— Клюёт ведь. Чего ещё? Тут бы поудили — да домой.

— Эх ты, маленький! Шли-шли, до порога не дошли, постояли да назад пошли. Разве это рыба? А там, может, таких надёргаем, что ну!..

---

¹ Прогал — чистое, незаросшее место пруда.

— Ну-к, опоздаем, а мне уж поесть охота.

Упомянутое о еде было вовсе ни к чему — есть всем хотелось. В знакомых местах мы хорошо умели узнавать время по солнцу, а здесь как? С моста нам виден был рукав пруда. Извилистые берега так густо заросли ивняком и ольховником, что выхода ни в ту, ни в другую сторону не было видно. Рукав походил на озерко или на зарастающую старицу¹. С которой стороны тут восход, где полдень? Спросить бы у кого, сколько времени. На наше счастье, по длинному мосту загремела телега. Ехала какая-то женщина.

— Тётушка, который час?

— Не знаю, ребяташки. Из больницы я. Долго там сидела. Час, поди, пятый, а то и больше.

Ясно, она не знала. Откуда пятый, коли вовсе недавно утро было! Не может быть.

— Опаздываем, ребята! Слышали — пятый час! — попытался отговорить Колюшка.

— Не знает она. Насиделась в больнице — вот ей и показалось. Пошли!

В ЛЕСУ ПОД ВЫСТРЕЛАМИ

В маленьком Вершинском посёлке все дома вытянулись одинаркой² вдоль тракта. Ближе и удобнее было идти трактом, но мы побоялись вершинских ребяташек: поколötят да ещё удочки поломают. Не любят наших — горянских.

Решили обойти посёлок по загородам, но это оказалось неудобно. Одни огороды были покороче, а другие глубоко уходили в лес. Петька шутит:

— Самые окуновые места! Закидывай, ребята! Вон под сосной щука метнулась. Жерлицу бы тут, а? В самый раз!

Наконец попался какой-то особо длинный участок. Обхо-

---

¹ Старица — старое русло реки.

² Вытянулись одинаркой — стояли в один ряд.

дѣли-обходили его и вышли на зимник, по которому летом ходили на перевоз, а зимой ѣздили.

Широкая полоса зимней дороги между ровными стенами соснового бора оказалась чудесной. Вся она заросла белой ромашкой, сиреновой блошницей, желтой мыльнянкой, голубыми колокольчиками, малиновым иван-чаем. Над хрупкими осыпавшимися цветами мыльнянки вились какие-то редкие пестро-синие бабочки. Около длинных цветов иван-чая жужжали медунцы, гудел шмель, летали мелкие пичужки. По пестрой полянке чернели плотно утопанные тропинки — «рабочий ход».

— Ребята, обратно этой дорогой пойдём, по рабочему ходу, а?.. Я тут цветков нарву нашей Таютке, — сказал Пётка.

— А Лесины не бойшься? — спросил Колька.

— Не узнаёт в потёмках-то. Вершинскими скажемся. Перевезёт!

Решив так, мы вперегонки побежали по тропинкам. Уж очень они хорошо утопаны, и так их много. Долгоногий Пётка, как всегда, опередил всех нас. Колюшка отстал. Там, где красивая полянка зимника перешла в каменный пустырь, Пётка остановился и закричал:

— Гляди-ка, Егорша, масляник ровно бежит.

Низенький Колюшка и верно походил на молодой, крепкий масляк. Бежал он ровно, подавшись всем телом вперёд. Круглая голова и густые, плотно лежащие волосы медного цвета ещё больше делали его похожим на грибок, когда он только что вылезает из земли.

— Отстал, маленький?

— Ну-к что! Зато я этак-то хоть версту пробегу, а ты язык высунешь.

— Ну...

— Вот те и «ну»... А ты задерёшь башку, руками замашешь... Кто так бегает?

— У тебя поучиться?

— Хоть бы и у меня. Не думай, что ноги длинные, так в этом сила. Дых-от у меня лучше. Вишь, ровно и не бежал, а ты всё ещё продыхаться не можешь.

Это был старый спор. Пётка в нашей тройке был выше всех. Худощавый, длиннорукий, с угловатой головой на длин-

ной шее, он легко обгонял нас. Но бежал он неправильно — закидывал голову и сильно размахивал руками. Оба мы старались уговорить Пётку, чтобы он «бежал по правилу», а Пётка щурил свои чёрные косые глаза, взмахивал головой и говорил:

— Эх вы, учителя! А ну, побежим ещё.

Под этот спор мы прошли половину пустыря. Тут справа от него выходила торная¹ дорожка с прииска Скварец. Прииск совсем близко. Не только гудки слышно, но шум машины и поскрипывание камня под дробильными бегунами².

По этой дороге со Скварца «гнал на мах» какой-то крутолобий старичина в синей полинялой рубаше, в длинном холщовом фартуке, в подшитых валенках, но без шапки. Фартук сбился на сторону и трепыхался, как флаг. Старик был в таком возрасте, в каком обычно уже не гоняют верхом.

Глядя, как он, сгорбившись, высоко подкидывал локти, мы расхохотались, а Пётка крикнул:

— Ездок — зелёна муха! Пимы³ спадут!

Старику, видно, было не до нас. Он даже не посмотрел на нашу сторону, направляя лошаденку к заводской конторе.

— На телефон пригнал. Случилось, видно, что-нибудь на Скварце, — сделал я предположение.

— Случилось и есть! — подтвердил Пётка. — Не без причины караульный пригнал. Это уж так точно.

— Почему думаешь, караульный?

— На вот! Не видишь — старик в пимах... Кому быть?

— Пожар, поди...

— А гудок где? Завыло бы, а видишь — молчит. Нет, тут другое.

— Золото украли?

— Украдёшь, как же! Тятя сказывал — большая строгость у них. Стража там, начальство... Подступу нету. Всякого обыскивают. Догола раздевают. Украдёшь! Так точно.

— А много на Скварце рабочих?

---

¹ Торная — протоптанная.

² Дробильные бегуны — тяжёлые колёса, которыми дробят, мельчат камень.

³ Пимы — валенки.

— С ты́сячу, а то и бо́льше.

-- И все в землѣ? — спроси́л Колю́шка.

— Ты ду́мал — на о́блаке? — захохотáл Пѣтька.

— Ну-к, ма́ло ли. У маши́н там, ли́бо ещё где. А где они́ живу́т?

— Каза́рмы там. Помно́гу в одно́м до́ме живу́т. Бо́льше при́шлый наро́д. Отовсю́ду. И на́ши, заводские́, есть. То́лько они́ домо́й бе́гают че́рез перево́з.

По прииско́вой доро́ге о́пять показáлись две лошаде́нки, запряжённые в песковозки. На той и друго́й тарата́йке стоя́ли же́нщины, разма́хивавшие конца́ми вожжѣй. Из лесу напере́рёз им вы́летел на вы́сокой гнедо́й ло́шади стра́жник¹ с зелёными виты́ми жгу́тами на плеча́х и заора́л:

— Куда́ вы? Поворо́чивай сейча́с же!

Же́нщины что́-то крича́ли в отве́т, но нам не́ было слы́шно.

---

¹ Стра́жник — низший полицейский чин в се́льских ме́стностях.

Потом они поворотили лошадей и трусцой¹ поехали обратно, а стражник направился к конторе. Старик уже вышел из конторы, и около него толпилось человек десять — пятнадцать. Стражник что-то сказал старику. Тот закивал плешивой головой, взобрался с чурбана на лошадь и поехал обратно. На этот раз шагом. Стражник ещё что-то говорил около конторы. Часть людей торопливо побежала к посёлку, а часть пошла к зимнику. За ними поехал и стражник.

Старик остановился у леса, привязал лошадь к сосне, сел на пенёк, достал кисёт и стал крутить сигарку.

— Это так точно... — проговорил Пётка.

— Что так точно?

— Видел — горная стража выскочила?

— Ну?

— Ну и ну... Только и всего.

На плотине с дребезжанием прозвучало пять ударов колокола.

— Пошли, ребята! Вон уж сколько часов!

— Верно тётка-то говорила. Опоздаем мы.

— Часика два порыбачим — и домой.

Пруд был тих и пустынен. Только на мостике между ледорёзами² стоял человек с удочкой да в дальнем заливе виднелся одинокий рыбак на лодке.

Место для рыбалки мы выбрали удачно. Колюшка первый вытащил довольно порядочного окуня. Потом пошло и у нас. Пётка уже хвастался:

— Полторы четверти от хвоста до головы! Винтом шёл. Еле выволок его!

Два часа промелькнули, как миг. Когда плотинный караульный отдал семь ударов, Колюшка стал сматывать удочку.

— Ну-к, ребята, хватит! Тоже не близко, хоть и по перевозу. То да сё — дождемся потёмок.

— Испугался?

— Испугался не испугался, а порá. Есть мне охота.

— У тебя только и разговору, что об еде.

---

¹ Трусцой — не спеша.

² Ледорёзы — боковые устои моста для защиты его от напора льда.

— Ну-к, к слову я...

— Опять закословил!

Спускаясь с плотины, мы увидели, что старик сидит на том же пне, а около сосны стоит привязанная лошадь.

— Видно, стражник ему велел дорогу караулить. Оттуда не выпускают, а туда? Пустят - - нет?

— Дедко, что там случилось? — крикнул Петька.

— Свинюшка отелилась, — откликнулся старик.

— Нет, ты скажи толком.

— Толком — с волком, со мной — шутком.

— Свадебщик, видно, — догадался Петька и звонко закричал: — Ездок — зелена муха! Пимы потерял!

— Я потерял, ты подобрал — кто вором стал? — откликнулся старик.

— Тьфу ты, не переговоришь такого! — плюнул Петька.

Немного успели пройти по пёстрой полянке зимника, как где-то близко — нам показалось, в лесу, слева — раздался выстрел. Было время охоты на боровую птицу¹, и выстрелы в лесу были не редкостью. Только тут происходило что-то непонятное. Не прошли и десятка шагов — опять выстрелы. На этот раз часто, один за другим. Снова одинокий выстрел, и опять — раз, два, три..

— Ходу, ребята! — крикнул Петька и бросился с полянки в лес направо, туда, где мы пробирались, когда шли вперёд.

На полянке зимника было ещё совсем светло, а в лесу уже стало по-вечернему неприветно, глухо, угрюмо.

Бежать лесом с удочками и ведёрками не так удобно, и наш Кольша растянулся. Он сломал удилище, поцарапал себе руку и рассыпал своих окуней. Невольная остановка, пока собирали рыбу, нас немного образумила.

Куда бежим? Зачем?

Выстрелов больше не было, и мы отправились обратно к зимнику. На опушке оказался какой-то молодой мужик в розовой, измазанной глиной рубаше. Заметив нас, он негромко спросил:

— Вы куда?

— На перевоз. В Горянку нам.

---

¹ На боровую птицу — на птицу, живущую в бору (тетерев, рябчик, глухарь, белая куропатка).

— Не вѣлено тут! Вон, гляди, стражники...

Вдали мы увидели человек пять стражников. Разъезжал и тот, который заворотил женщин на прииск. Притаившись за деревьями, мы стали спрашивать мужика:

— Дяденька, а как нам в Горянку-то?

— Трактором попытайтесь.

— Тут-то хоть что?

— Ловят одного...

— Кого?

— Ну, начальство знает. Отойдите-ко, а то ещё налетит. Вишь, сюда глядят...

— Кто стрелял-то?

— А мне видно? Стражники, поди... Может, и тот стрелял.

— Кто?

— Да которого ловят... Уходите, ребята. Не вѣлено скáзы-вать. Политика он... Пóняли? Уходите сейчас же.

Слово «политика» мы слышали. Взрослые в наших семьях говорили это слово с опаской, потихоньку, но с уважением. Зато наш уличанский подрядчик Жиган орал на всю улицу, когда рассчитывался со своими рабочими:

— Вы что? Политика áли что? Научились, главное дело, в чужом кармане считать! Покажу вот дорожку! Покажу! Становóму¹ сказать, — живо отправит. Сибирь-то, она, брат... На всех, главное дело, хватит!

Опять слышались выстрелы. Редкие, гóлкие, но тех, коротких и быстрых, на этот раз не было. Стражник на гнедом коне поскакал во весь опор к перевóзу.

— Углядел что-то, коршун! — промóлвил мужик в розовой рубáхе.

Выстрелы стали чаще, но всё такие же гóлкие.

— Нашли дурака! Так он вам и покажет, где сидит!

— Он где?

— Кто знает, может — в этом лесу, может — давно через тракт перебежал. Ищи тогда! Простойм ночь у пустого места.

— Ты караулишь?

— Постáвили, вот и стою. Что станешь дéлать! А вы лесом-то не ходите, прямо на огорóды правьтесь. Перелéзете

---

¹ Становóй — полицейский начальник.

где-нибудь да по тракту и ступайте, а то ещё под нечаянную пúлю попадёте.

Мы послушались совета. Пошли прямо на огорóды, перелéзли чéрез прясло¹, прошли лесной учáсток и вышли на раздéланное под огорóд мéсто. Огорóд упирáлся в глухúю стéну надвóрных пострóек, проездные вóрота бýли зáперты. Пострóйки бýли хорóшие, под желéзными крýшами. Вíдно, éто был дом какóго-нибудь заводскóго начáльства.

Перешли ещё два-три огорóда, а всё то же: глухáя стéна пострóек и зáпертые вóрота. Наконéц попáлся нам «гóлый дом», у кóторого стояла однá покосíвшаяся конюшенка без крýши. Чéрез прясло вíден был тракт. Это как раз нам и нáдо бýло. И грáды здесь шли вдоль — удóбно для выхóда.

— Ну-к что, пошли, ребята! — И Кóльша, помáхивая ведёрком и облóмком удíлища, пошёл по бороздé мéжду картóфельными грáдами, мы — за ним.

В éто врéмя ярóстно залáяла собачóнка, выбежавшая из-за конюшенки. За собачóнкой вылетела жéнщина в сíнем платкé, с какóй-то úзенькой крашеной дощéчкой, должнó быть от крóсен².

Жéнщина угрожáюще взмáхивала дощéчкой и кричáла:

— Я вас, негодников! Нарвú вот крапíвы...

Кóльша, однáко, спокóйно шёл прямо на жéнщину. Он у нас всегда такóй! Без снорóвки и в дрáку ходíл. Мы, конéчно, поторопíлись поддержáть товáрища:

— Мы, тётенька, не воровáть...

— Нам тóлько на úлицу перелéзть.

— Что вам тут за дорóга? — спросíла жéнщина помягче.

— Не пускают зíмником-то, велят по тракту. Мы и пошли огорóдом. Ничегó не рвáli, хоть обыщí!

Жéнщина цýкнула на собачóнку и совсём спокóйно стáла спрашивать, чьи мы, как сюдá попáli и что вíдели на зíмнике.

Когдá мы рассказáli, жéнщина раздúмчиво проговори́ла:

— И здесь, подí, вас не пропу́стят. Вóзчиков вон всех заворотíли. До Речек, слышно, облáву протяну́ли. Недáвно ваш горянский на пáре лошадей стрáжников привёз. Как бýть-то?

¹ П р я с л о — изгородь из тонких веток, прутьев.

² К р ó с н ы — ткацкий ручной станок.

Ночевать, видно, вам у меня. А дома-то, поди, ждать будут. Спрашивались хоть у матерей-то?

— Нет, тётенька. Не спрашивались.

— Ох, ребята, горе с вами! На-ко, куда, не спросясь, убежали! Как теперь, а?.. Темно ведь скоро будет, а то бы по Коровьему прошли, а там берегом. Заботьтесь по потёмкам-то?

— Не забоймся, тётенька! Не маленькие, поди.

— Видать! Так вы не то по заогородам ступайте. Тут их всего восемь осталось. У последнего-то огорода, от крайнего столба, прямехонько идти. Тропки там пойдут к болоту — оно ныне сухое. Ишь в огороде-то всё сгорело. Вдоль того болотца и ступайте. Оно вас к пруду выведет. Там мысок есть. На этой стороне мысок и на той мысок. Это и будет Коровье. Тут хоть широко, а мелко: коровам по брюхо. Мы тут когда бегаем... в обход мостиков. Много короче выходит. А дальше — тропка, прямехонько к Перевозной горе. Знаете, поди, те места?

На плотине пробило девять. Колёшка не поверил:

— Просчитался дедко. Девять отбил!

— Девять и есть, — подтвердила женщина.

Когда мы пошли обратно к пряслу, она остановила нас:

— Постойте-ко, ребята, я вам хоть по кусочку дам. Захотели, поди, рыболовы?

Отказываться мы, конечно, не стали, и женщина вынесла нам три ломтика круто посоленного ржаного хлеба.

— Передайте матерям-то поклончик от Настасьи Огибениной. Пущай хорошенько вас надерут! — И сейчас же предупредила: — Вы, ребята, через прясла-то не ползайте. Тут через два огорода такие кикиморы¹ живут. Придумали цепную собаку в огород спускать. Оборвёт пятки-то. По заогородам идите! Да не забывайте — от последнего столба прямо. А как переходить станете, на мысок правьтесь. Направо-то глубоко. Не утоните хоть!

— Мы, тётенька, плавать умеем.

— Сажонками, по-собачьи, по-лягушачьи. Это уж так точно.

— Вижу, что мастера. По три раза на день таких драть и то, поди, мало. Ох, ребята, ребята!..

---

¹ Кикиморы — здесь: неприятные, сердитые люди.

И вот мы опять в лесу, за огородами. Хлеб тётушки Настасьи оказалсѣ летучим — в минутѣ ни у когѣ не оказалсѣ.

— Лучше бы она и не давала! — печально вздохнул Колюшка, а Пётка набросился:

— Ты опять о хлѣбе! Под ноги гляди. Рыбу не рассыпь. Смотри тихо, ребята! В оба гляди!

В лесу становилось темно. Трава под ногами потемнѣла и казалась мёртвой. Откуда-то появилось много мелких чёрных сучьев. Куда ни ступишь — хрустят. Пока пробирались по заогородам, лес был «свѣчкой», а от крайнего столба пошел «мохнач», какой растѣт около болота. В таком лесу, да ещё с большой примесью мелкого, и днём на пяти шагах человека не найдѣшь, а вечером и подавно. Тропку всё-таки нашли без труда, и она вывела нас к болоту. Идти стало хуже. То и дѣло под ногами подвѣртывались узкие сухие кочки с глубокими провалами между ними. Провалишься — и под ногой обязательно хрустнет. Откуда только насыпалось столько всякой дряни! А Пётка шипит:

— Ш-ш... ты! Тихо! Слышишь — говорят.

Болото подходило местами близко к тракту. Оттуда вдруг слышались голоса:

— Не иголка, главное дѣло... Кругом обложено. Укажут ему дорожку, укажут! Сибирь-то, она на всех, главное дѣло, хватит.

— Не горячись ты, сват! Может, он близко где... слышит тебя.

— А я боюсь? Да мне, главное дѣло, попадись только: сразу — прощай, бѣлый свет...

Дальше не стало слышно, но мы все узнали, что это говорил наш уличанский подрядчик Жиган.

— Откуда тут Жиган? — прошептал Пётка.

— Он, может, стражников-то и привѣз из Горянки. Тётенька про которых сказывала.

— И то... Тихо, ребята!

Болотце пошло влево, и голосов вовсе не стало слышно. Но от этого было ещё страшнее. А вдруг заблудились! Уклон стал замѣтнее. Под ногами захлупала вода.

— Она говорила, пересохло болото, а тут вода. Неладно, видно, идѣм, — сказал Кольша.

— К пруду пошло, то и вода. Не видишь — кусты там? Берег, значит... Тихо, ре...

Петька замер, не договорив слово. Остолбенели и мы.

Вправо от нас, прислонившись к сосне, сидел человек. В потёмках нельзя было разобрать, молодой или старый, но без бороды и усов. Было видно, что одна нога у него разута, другая в сапоге. Правая рука была под широковерхой фуражкой, которая лежала на земле.

Человек сидел и молчал. Мы тоже молчали. Потом он попросил:

— Хлебца у вас, ребята, нет? Кусочка...

Эти простые слова сразу успокоили. Даже веселее стало. Всё-таки с большим, а то вообще страшно в лесу.

Узнав, что у нас нет ни крошки, незнакомец стал нас спрашивать, зачем мы сюда попали, кто наши отцы, где живут, куда мы идём.

Мы наперебой принялись рассказывать, а он то и дело напоминал:

— Потише, ребята, потише. Не кричите!

Когда мы рассказали, что хотим перейти пруд бродом, незнакомец заговорил быстрее, короче:

— Брод? Где? За этими кустами? Мне бы с вами.

Помолчав немного, незнакомец сказал:

— Ну-ка, ребята, кто из вас покрепче?

Этот вопрос в нашей троишке давным-давно был решён и сотни раз проверен. Мы с Петькой враз указали на Колюшку:

— Вот, дяденька, он.

— Этот? Всех меньше, а всех сильнее?

— Это уж так точно. Обоих оборачет¹ и на палке перетягивает. Медведком его зовём.

— Медведком? — усмехнулся незнакомец. — Ну-ка, подойди поближе. Встань вот сюда. Попытаем твою силу. — И он положил обе руки на плечи Колюшки, но сейчас же снял.

— Нет, ничего не выйдет. Идите вперёд, ребята, а я волоком за вами.

— Ты идти-то не можешь? — спросил Колюшка.

---

¹ Оборачет — побеждает в борьбе.

Прислонившись к сосне, сидел человек.

- Тó-то, Медвѣдушко, не могу...
- Подстрелили тебя?
- Мнóго узнаешь — дѣдом станешь. Иди.
- Ну-к, я сапóг не то твой понесу́.
- Это дѣло.

Незнако́мец надѣл фура́жку. Под ней оказа́лся большо́й револьве́р. Су́нув револьве́р в ле́вый карма́н ку́ртки, ра́ненный лёг на пра́вый бок, подогну́л, наско́лько мо́жно, здоро́вую но́гу вме́сте с прижа́той к ней ра́неной, оперся рука́ми о зѣмлю и подтяну́лся вперѣд.

В густо́й за́росли кустарника мы нашли изви́стую, переплетѣнную корневи́щами, но широ́кую тропу́. По ней, ви́дно, спуска́лись коро́вы, когда́ ста́до пасли́ на э́том лесно́м уча́стке. Тропа́ выходила́ на песча́ный мысо́к, о кото́ром говори́ла те́тушка Наста́ся. Брод и вы́ход к до́му бы́ли перед на́ми.

МИМО ДВОЙНОГО КАРАУЛА

Пѣтька пе́рвым ви́бежал на мысо́к и сейча́с же зашипѣл на нас:

— Тш... тш... Ти́ше вы! разгово́р где́-то...

Мы прислу́шались. Спра́ва как бу́дто доно́сились голосо́а, но так сму́тно, что Колю́шка заспóрил:

— В уша́х у тебя́, Пѣтьша, звенит.

— Как не так! Слу́шай хороше́нько. Вот...

На э́тот раз дово́льно я́сно донёсся смех.

Пѣтька побежа́л к ра́неному, кото́рый с трудо́м, ти́хо поста́нывая, пробира́лся по коро́вье́й тропе́.

— Там, дяденька, разгово́ривают. Мнóго...

— На том бере́гу?

— Нет, на э́том же, то́лько подальше́.

— Ну погоди́ — сам послу́шаю, а вы поти́ше.

Ра́ненный подпо́лз к са́мому бе́регу и стал прислу́шиваться.

— Говоря́т где́-то. Не бли́зко то́лько. Э́то по воде́ наносит.

Потише всё-таки нам надо. Как бы не услышали. Ну, кто первый брод пытáть¹ будет?

Мы не застáвили себя ждать, но Пётка всё же опередил. Он уже был в воде и хвалился:

— Как щёлк, вода-то! Теплехонька.

— Тише, ребятки! Не бўлькайтесь! Если глубокó, лúчше вернитесь, — посоветовал рáненный.

Брод оказалсá удобным, но в однóм мёсте, блíже к томú берегу, было всё-таки глубокó. Переползти тут и высóкому человеку было невозмóжно. Вýбравшись на другóй бéрег, все мы, стучá зубáми от хóлода, пёрвым дéлом рéшили:

— Нет, не переползти ему.

— Глубокó. Где переползти!

— Кóльше до сáмого гóрла дохóдит. Куда!

Подскáкивая на пескé, я уколóл себе нóгу. Ухватившись рукой за больное мёсто, нащúpал чтó-то лёгонькое. Оказáлась слóманная серёжка.

— Гляди-ка, ребята!

— Мóжет, золотáя?

— Золотáя! Кому тут зóлото терáть. Медяшка — это так тóчно. Пятáк пáра... Постóй-ка, ребята... мóжет, тут перевóз вóвсе блízко. Сбéгать бы поглядéть. Вон она, трóпка-то!

— Без рубáх?

— Ночь ведь.

— Хóлодно...

— А мы бегóм.

— Ну-к, а тот?

— Что — тот?

— Подумáет — убежáли...

— Это так тóчно. Тогдá не то вот как... Ты ступáй к нему, а мы с Егóршей сбéгаем. Нельзá ли там лóдку подцепить. Так ему и скажи: лóдку, мол, искáть пошли, а без этогó ему не переползти.

— А ёсли вас поймáют?

— Без рубáх-то?

— Ну...

— Егóрша тогдá свístнет. Услýшишь небóсь.

---

¹ Брод пытáть — то есть искáть мёлкое мёсто поперёк рекí.

— Тогда погодите. Сперва я перебрёду. Боюсь я один по водё-то.

Мы подождали, пока Колюшка переходил пруд, потом побежали по плотно утоптанной тропинке. Взошла луна, и по лесу легли белые полосы. Страху всё-таки не стало. Мы знали, что позади нас люди и вперёд, где-то близко, тоже. Дорожка была удобна. Она вывела нас к тем ручьям, где мы утром искали золото.

— Гляди-ка, Егорша, сколь мы давеча зря колесили. Тут вообще прямо. А это уж к Перевозной горé пошло. Верно? Узнал место-то? Дураки были — кругом-то шли.

Под ногами пошёл плитняк. Надо было выбирать, как лучше ступить, чтобы он не расползлся и не гремел под ногами. На этом ползучем плитняке потеряли было тропинку, но вскоре нашли. Дальше опять она пошла хорошо убита, удобная.

Место здесь было знакомое, и мы почувствовали себя ещё лучше.

На перевёзе было тихо. Недалеко от перевозной избышки горел костёр. У костра спиной к нам сидели двое. В одном мы сразу узнали Яшу Лесину. Другой был незнакомый. Паром и все четыре перевозных лодки стояли у этого берега. Паром приходился как раз перед избышкой, а лодки были зачалены¹ вдоль берега, ближе к нам. С краю стояла тяжёлая лодка, человек на двадцать. Выбирать, однако, не приходилось: только её и можно было увести незаметно.

Петька указал пальцем на лодку, и оба мы, прячась за деревьями, стали спускаться к берегу. Осторожно сняли чалку² с пенька, ещё осторожнее вошли в воду и, пригнувшись за правым бортом, легко сдвинули и повели лодку. Делалось это молчком. Тишину нарушали только всплески крупной рыбы в пруду да глухой гул голосов около костра.

Под ногами опять пошёл плитняк. В воде по нему идти было ещё хуже. Влезли в лодку, сели за вёсла и поплыли, стараясь не шуметь. Лодка была тяжёлая для нас, но всё же подвигалась, только виляла: то пойдёт вглубь, то лезет прямо на берег. Каждому из нас казалось, что виноват другой, и мы до того забылись, что стали громко перекоряться.

---

¹ За ч а л е н ы — привязаны.

² Ч а л к у — верёвку.

— Потіше, ребя́тки! — образумил нас го́лос с бе́рега.

Это было так неожиданно, что мы оба чуть из лодки не выпрыгнули. Оказалось, что незнакомец с Кольшей давно слышали нас и сами позаботились найти удобное для причала место. Они выбрались повыше мыска. Незнакомец сидел на береговом камне, а рядом стоял Кольша со всеми удочками, ведёрками и нашей одеждой.

— Кормой подводи, ребята! — распорядился раненый и, когда лодка зашуршала бортом о камень, похвалил: — В самый раз. Молодцы, ребята. Замёрзли, поди, без одежонок-то?

— Нет, дяденька. Вспотели даже.

— Скажите, как вам лодку пособило увести? Видели кого на перевозе?

Мы рассказали. Раненый спросил:

— Все, говорите, лодки у парёма?

— Ну, а как же! Четыре их. Все они тут.

— На том берегу нет?

— Откуда?

— А вы глядели?

— Да не видно там. К кустам-то тамошним вобще чёрно.

— Так, — промолвил раненый и ещё раз спросил: — Не видно от парёма тот берег?

— Нисколько. Это уж так точно.

— У тебя отец из солдат, что ли?

— Нет, моего не брали. Вон у Егорши с Кольшей отцы в солдатах были.

— У них и научился?

— Такточно-то? ¹

— Ну...

— Да у меня тятенька этак не говорит, — заступился я за своего отца.

— А у меня? Кто слышал? — отозвался Колюшка.

— Привычка такая... Это уж так точно, — потупился Петюнька.

— Эх ты, голован! Привычка старая, а годы малые! — рассмеялся раненый. — Ну, вот что, ребята!.. Оделись? Ставь свой ведёрки да удочки в лодку. К перевозу мне незначем.

---

¹ Такточно — часто говорить «так точно».

В той сторонé, вѣдно, ждут меня! Попыта́емся по э́тому бе́ре-гу. То́лько вы, чур, молчо́к. По́няли? Кто бы ни спра́шивал — ни одно́го сло́ва! Ла́дно?

Нам ста́ло не по себé.

— Тепе́рь садите́сь, ребя́тки, а я пото́м.

Мы забра́лись в ло́дку. Ра́ненный ло́вко переки́нулся с ка́м-ня на кормову́ю скаме́йку и стал гото́виться в путь. Он пе́рвым де́лом вы́тащил из карма́на револьве́р и положи́л его́ на ска-ме́йку, под пра́вую ру́ку. Снял ку́ртку и надел отку́да-то взяв-шийся широ́кий рабо́чий фа́ртук, повяза́л лицо́ платко́м, бу́д-то у него́ болят зу́бы. То́лько у́зел сде́лал не swéрху, а на са́-мом подборо́дке. Вме́сто фура́жки надел вы́тащенную из кар-ма́на шля́пу-ка́танку¹, в ка́ких хо́дят на огневу́ю рабо́ту².

У нас нача́лся бы́ло спор, кому́ сиде́ть на ве́слах, но ра́не-ный стро́го прика́зал:

— Без спо́ру! Сам рассу́жу, как на́до. — И велéл Пётке сесть к пра́вому веслу́, мне — к ле́вому, а Колю́шке сказа́л: — Ты, Медве́душко, в са́мый нос ступа́й да повы́ше ка́к-нибудь взмо́стись³. Не упади́ то́лько.

Когда́ все пригото́вления ко́нчились, ра́ненный си́льно от-толкну́лся весло́м от ка́мня. Ло́дка тепе́рь пошла́ без виля́ний и го́раздо бы́стрее, чем у нас с Пёткой. Держа́лись не бли́зко к бе́регу. Там, где бе́рег де́лает круто́й поворо́т напра́во, нас окли́кнули:

— Эй! Кто плывёт? Отзови́сь!

Нас удиви́ло, что незнако́мец напра́вил ло́дку на го́лос.

Не подплыва́я, одна́ко, к бе́регу, он споко́йно ото́звался:

— Тихо́нько говори́! Вро́де объе́зда мы. Стра́жники велé-ли объе́хать.

— Так ве́дь мы кара́улим...

— Не ве́рят, вѣдно.

— Са́ми бы то́гда и кара́улили! Гоня́ют наро́д. Мне у́тром-то, поди́, на рабо́ту, — серди́то сказа́л го́лос с бе́рега.

— Нам, ду́маешь, на по́лати? ⁴

---

¹ Шля́пу-ка́танку — шля́пу, скáтанную из войло́ка, с большо́ми поля́ми.

² На огневу́ю рабо́ту — здесь: на рабо́ту вóзле огня́.

³ Взмо́стись — поднимись, сядь.

⁴ По́лати — ме́сто для спанья́ (насти́л из до́сок под потоло́ком).

- То и говорю — мытарят¹ народ.
- Кто у тебя с правой-то руки стоит? — спросил незнакомец.
- Поторочин Андрюха, из Дóменной у́лицы... Слыхал?
- Как не слыхал — в роднѣ приходится. А с лѣвой руки кто?
- К перевóзу-то? Никогó нѣту. На краю стою.
- Как нѣту? Стра́жники говорíли — вездѣ поста́влены.
- Слу́шай ты их бóльше! Говорю, нѣту. Когó там кара́у-
лить? Мѣжду зѣмником и тра́ктом тот сидѣт. Кóли он брод
знáет, и то не уйтí. По все́му тра́кту до сáмой плотíны люди
на́гнаны и стра́жники ѣздят. Не уйтí мужикú. Вы не слыхали
чегó?
- Нет, не слыхали. Ты потíше говорí — не вѣлено нам.
- А ты испугáлся?
- Чтó подѣлаешь! У них пáлка, у нас заты́лок.

---

¹ Мыта́рят — му́чат, издева́ются.

— Тó-то у тебя все как онемели. Ты сáм-то хоть чей бúdeшь?

— Не призна́л¹, ви́дно?

— Не призна́л и есть.

— Поду́май-ко... Делать-то всё еди́но не́чего.

— Скажись, крóме шу́ток.

— Не вéлено, говорю́. За́втра всё скажу́.

— Ши́боко ты боязли́вый, гляжу́.

— Да ты не сердись! Говорю́, за́втра узна́ешь, а пока́ по-мáлкивать ста́нем.

И незнако́мец махну́л нам руко́й — гребите. Мы налегли на вёсла, и лóдка пошла́ под сáмым бе́регом.

На паро́мной при́стани никогó не́ было. Прóтив, на Перево́зной горé, всё ещё горéл костёр. Когда́ подплыли бли́же к заво́ду, незнако́мец проговорил:

— Ну, спаси́бо, ребятки, — вы́ручили наполови́ну. Как да́льше бúdeм? Ещё помога́ть ста́нете или уж бúdeт? Натерпе́лись стра́ху-то?

— Пусть друго́й кто бо́ится. Мы не стру́сили! — сказа́л Пётка.

— Ты за себя говори́, а не за всех.

— Так мы, поди́-ка, заеди́нщина, — поспеши́л я поддержа́ть Пётку.

— Ты что ска́жешь, Медве́дко?

— Ну-к, я — как Пёты́ша с Егóршей.

— Тогда́ вот что, ребятки... Я вам покажу́ ме́сто, где меня́ иска́ть. То́лько чтоб никому́... По́няли?

Мы ста́ли уверя́ть, что никому́ не ска́жем.

— Ни отцу́, ни ма́тери. Не то ху́до бúdeт. Знаю́ ведь, в ко-то́рой у́лице живёте.

— Да что ты, дяденька, ра́зве мы такие!

— Ну, ма́ло ли... Сла́вные бу́дто ребятки, да не зна́ю ва-ших отцо́в. То и говорю́ так, а вы за оби́ду не счита́йте. Ну, а е́сли вы́дадите, беда́ вам бúdeт.

Когда́ мы ста́ли уверя́ть, что никому́ ни за что не ска́жем, ра́ненький заговорил о́пять ла́сково:

— Ла́дно, ла́дно — ве́рю. Слу́шайте вот, что вам скажу́.

---

¹ Не призна́л — не узна́л.

Сейчас мы подплывём к прósеке¹ на Карандашеву гóру. Тут ещё рудник был. Знаёте?

— Костяники там много по ямам бывает.

— Ну вот. Прóтив этой прósеки я и вы́лезу. Тóлько не на берегу́ б́уду, а постара́юсь за́ ночь переползти́ к покóсной доро́жке. Лес там ме́лкий, да густо́й. Вот там и б́уду вас ждать. А вы мне хлéба притащите да черепо́к ка́кой под во́ду. Ла́дно?

Мы, конечно, согласи́лись.

— А как меня́ иска́ть бу́дете?

— Приде́м туда́, крича́ть ста́нем, ты и отзови́сь.

— Вдруг не узна́ю ва́ших голосо́в, тогда́ как?

— Тогда́... тогда́ Егóрша пусть сви́стнет. Он у нас пе́рвый по у́лице. Большо́е прóтив него́ не мо́гут. Так сви́стнет — срáзу услы́шишь.

— Нет, ребята́, э́то не годи́тся. Вы лу́чше так сде́лайте. Иди́те из Горя́нки по покóсной доро́ге. Как дойдёте до Карандашевой гóры, до прósеки э́той, поворо́тите на неё да к пруду́ и сту́пайте — и всё одну́ пёсенку по́йте. Ка́кую знаёте?

— Ну, про желе́зную доро́гу:

Полотно́, а не доро́жка,
Конь, не конь — сороконо́жка...

— Вот... Её и по́йте потихо́ньку, а я отзову́сь. А е́сли не отзову́сь, — значи́т, меня́ тут нет.

— Ты где бу́дешь? — спроси́л Пётка.

— Как приде́тся. Сам не зна́ю. А тепе́рь пристава́ть ста́нем. Вон она́, прósека-то.

Высадивши́сь на бе́рег, ра́ненный посоветова́л:

— Вы, ребята́, так под бе́регом и плыви́те. У кра́йних у́лиц где-нибу́дь и высадите́сь. Ва́ша-то кото́рая?

— Пя́тая с э́того конца́.

— Тогда́ порáньше. А то, поди́, ждут вас — заме́тят. Да ло́дку-то оттолкни́те! Её за́ ночь к плоти́не и унесёт. Вишь, в ту сто́рону ветерко́м потяну́ло. Не проболта́йтесь смотре́йте!

Оста́вшись одни́, мы до́лго сна́чала молча́ли. Ло́дка у нас завихля́лась. Колю́шка перебра́лся к рулево́му веслу́, и всё э́то молчко́м.

---

¹ Прóсека — очи́щенная от дере́вьев поло́са земли́ в лесу́.

Пёрвым заговорил Пётка:

— Гляди, ребята, чтоб ни-ни! Қолотить дома будут — говори одно: ходили на Вершинки.

— Отлупят всё равно.

— Ну-к, про это что говорить...

— Это уж так точно. Готовься, ребята! Только чтоб ни словечка про того-то! Да хлеба-то припасайте. Покормят, поди, нас... Отлупят сперва, потом кормить станут. Не зевай тогда! Ты, Егорша, у бабушки ещё попроси. Скажи, не наелся. Она тебе ещё отржет, а ты — в карман.

Была глубокая ночь, но в домах кое-где видны были огни. Фабрика молчала — был летний перерыв. Только над домной взлетали столбы искр.

Чем ближе мы подплывали, тем страшней становилось. Вот и Вторая Глинка. Через одну улицу наша Каменюшка.

— Правь, Кольша, к плоту. Высаживаться, видно, надо.

Мы высадились на плот, уложили вёсла в лодку, повернули её носом вглубь, оттолкнули от плота, а сами по гибким доскам вышли на берег. Пройти ещё шесть-семь домов до переулка, пересечь Первую Глинку — и мы дома... Никто, однако, не радовался. Каждый только пошарил в своём ведре и рыбу покрупнее вытащил наверх.

— Ну-к, я говорю — заведёт нас зелёная. Вот и завела!

— Чудак ты, Кольша! Человека из беды выручили, а ты материной трепки испугался.

— А что, если, ребята, это конный вор?

Сначала мы просто опешили¹ от этого вопроса, потом принялись доказывать Кольше, что это он вовсе зря придумал, что конных воров народ ловит, а не стражники, револьверов у конных воров не бывает, а подпилот да верёвка.

— Ну-к, я тоже думал — не вор, — успокоил нас Колюшка. — Это он сам, как мы вдвоём-то оставались, всё про лошадей спрашивал. Я сказал, что у Жигана девять лошадей, а он говорит — это мне не надо, скажи про рабочих, у кого есть лошадь. Вот я и подумал, на что ему.

— Сказал про лошадей-то?

— Всех перебрал на нашей улице...

---

¹ О п е ш и л и — растерялись от неожиданности, удивления.

— А он что?
— Не знаю, говорит, этих людей.
— Ну, вот видишь! Он знакомого человека ищет, и с лошадью. Перевезти его. Это уж так точно. А что, ребята, если Гриньке сказать? Он нашёл бы лошадь.
— Выдумал! Тебе что говорили? Если скажешь — я с тобой не заединщик.
— И я тоже.
— Ладно, ребята! Завтра спросим... про Гриньшу-то.
Всё это говорилось на берегу. Лодку отнесло так далеко, что едва можно было разглядеть. Домой всё-таки надо идти. Ох, что-то будет?..

ДОМА

У всех нас матери не спали.
Встретили горяченько, но вовсе не так, как мы ждали. Отцов у нас с Пёткой не оказалось дома. По первым же словам мы поняли, где они.
Матери даже не спросили, как, бывало, раньше, когда мы опаздывали: «Что долго? где шатался? куда носило?» — а сразу перешли к приговорам:
— Я тебе покажу, как за большими гоняться! Будешь ещё у меня? будешь? будешь?
— Больших угнали, а ты куда полёз? Тебя кто спросил? кто спросил? кто спросил?
— Стражники наряжали? ¹ наряжали тебя? наряжали?
— Будешь помнить? будешь помнить? будешь помнить?
Вопросы, по обычаю тех далёких дней, подкреплялись у кого вицей ², у кого — голиком ³, у кого — отцовским поясом. Мы с Пёткой орали на совесть и отвечали на все вопросы, как надо, а терпеливый Колюшка только пыхтел и посапывал. За это ему ещё попало.

¹ Наряжали — здесь: заставляли, приказывали идти в наряд; наряд — караул, дежурство.

² Вией — розгой, прутом.

³ Голиком — веником.

— Наказáнье моё! Бúдешь ты мне отвечать? бúдешь? бúдешь? Слышь, вон Егóрко кричít — бúдет пóмнить, а ты бúдешь? А, бúдешь? Смотри у меня!

Пóсле распрáвы я сейчáс же забрáлся на сеновáл, где у меня была лётняя постель.

Пётка со своим стáршим брáтом Гриньшей тóже спáли лётom на сеновáле. Пострóйки блízко сходились. У нас был продéлан лаз, и мы по двум горбíнам¹ легкó перебирались с одногó сеновáла на другóй. На этот раз Пётка перелéz ко мне и зашептáл:

— Гриньша тут. Спит он. Потíше говори, как бы не услýшал. Про Вершínки-то сказáл?

— Нет. А ты?

— Тóже нет. Тебá чем?

— Голикóм какíм-то. Нискóлько не бóльно. А тебá?

— Тя́тиным по́ясом. В ладóнь он шириной-то. Шумít, а по тéлу не слýшно. Гляди́-ко у меня что! — И Пётка сýнул чтó-то к сáмому моемú нóсу.

По óстрому зáпаху я срáзу узнал, что это ржанóй хлеб, но всё-таки ощúпал руkáми.

— Э́тот — большóй-то — мне Афíмша далá, а мáленький — Таю́тка. О́на с мáмонькой в сéнцах спит. Как я заревёл, о́на пробудíлась, соскочíла с кошóмки², подалá мне э́тот кусо́к: «На́-ка, Пётенька!» — а сáмá сейчáс же плóхнулась³ и уснóла. Мáмонька рассмеялась: «Ах ты, потакóвщица!»⁴ Ну, а я вы́рвался да дёру. Под сара́ем Афíмша мне и подалá э́ту ломóтину. Ишь оцарáпнула — э́то так тóчно!.. Ещё, мóжет, покóрмят. Не спят у нас. Ну не покóрмят — мы э́тот, Таю́ткин-то, съедíм, а большóй томú оста́вим. Лáдно?

Мне стáло завíдно. Лóвко Пётке! У негó четýре сестры́. Таю́тка вóвсе мáленькая, а тóже кусо́чек припаслá. А меня́ и не покóрмит никто́!

---

¹ По горбíнам — по доскáм; горбíна — крáйняя доскá, отпíленная от бревнá.

² Кошóмка — то же, что кошмá — большóй кусо́к вóйлока, плóтного материáла, свáлянного из овéчьей или корóвьей шéрсти.

³ Плóхнулась — повали́лась, упáла.

⁴ Потакóвщица — то же, что потáтчица — здесь: дóбрая, котóрая всех жалéет.

Но вот и у нас во дворе зашáркали по землѣ башмака́ми. Пѣтька толкну́л меня в бок:

— Твоя ба́бушка вы́шла!

Смешной Пѣтька! Бúдто я сам не знаю. Шáрканье башмако́в зати́хло у дверей в погребѣицу¹. Скри́пнула двёрка. Мину́ты две было ти́хо, потóм послы́шался го́лос:

— Егóрушко! Бегí-ко, дитёнок!

Да, ба́бушку то́же неплóхо имéть!

Пѣтька шéпчет:

— Ты ещё попроси́! Не наёлся, скажи́. А сам не ешь! По́чамкай то́лько. Она́ не увидит.

Бы́стро спуска́юсь с сенова́ла и подбегáю к погребѣице. Ба́бушка нащúпывает одной́ рукой мою́ го́лову, а друго́й подаёт большо́й ломóть хлѣба.

— Поéшь-ко, дитятко! Проголода́лся, поди́? Шу́точно ли дѣло — с одним куско́м цѣлый день. Да не поворáчивай кусо́к-то. Так ешь!

По совету́ Пѣтьки, я начина́ю усíленно чáвкать, бúдто ем, и в то же вре́мя спрашиваю:

— Ты, ба́бушка, ви́дела мою́ ры́бу-то?

— Ви́дела, ви́дела... Хоро́шая ры́бка. За́втра ушку́ сва́рим.

— Окуня-то ви́дела... большо́го? Еле егó вы́волок. С фунт, поди́, бúдет. Бúдет, по-тво́ему?

— Кто зна́ет... Хоро́шая ры́бка. Как у до́брого рыболо́ва.

— Чеба́к там ещё... Ви́дела?

— Ну, как не ви́дела... Всё огляде́ла. Посóбник ведь ты у меня́! — И ба́бушка погла́живает меня́ по головé.

Я всё вре́мя усёрдно чáвкаю, потóм говорю́:

— Ба́бушка, я не наёлся.

— Съел уж? Вот до чегó проголода́лся! А ма́ть-то и не по́думаёт накорми́ть! Сейча́с я, сейча́с... сметáнкой нама́жу... Ешь на здоро́вье.

В это вре́мя хлопнула дверь избу́, и ма́ма звóнко кри́кнула:

— Ты, рыболо́вна хворь! Иди́-ко! Сейча́с что́б у меня́!

Го́лос был стрóгий. На́до иди́ти, а куда́ кусо́к, кото́рый я держáл за спиной? Тут оста́вить — Лю́тра схáмкает². В кар-

---

¹ Погребѣица — здесь: пострóйка, сарáй над погребом.

² Схáмкает — съест.

ма́н тако́й не влѣзет... Как быть? Сѹнул за па́зуху — сметана потекла́. То́же ба́бушка! Всегда́ она́ так!

На столѣ оказа́лись горя́чая карто́шка с бара́ниной, тво́рожный карава́й и крѣнка моло́ка. Но припра́ва была́ го́ркая — ма́ма пла́кала. Лу́чше бы она́ де́сять раз меня́ го́ликом, чем та́к-то. И я то́же разреве́лся.

— Не бу́дешь бо́льше?

— Не бу́ду, ма́монька! Вот хоть что... не бу́ду. За́светло домо́й... всегда́...

— Ну ла́дно, ла́дно... Хва́тит! Пое́шь вот... Оди́н ведь ты у меня́.

По́сле э́того я уж мог есть без поме́хи. На ду́ше светло́ и ве́село, как по́сле грозы́. Но ведь на́до ещё то́му запасти́. Об э́том я не забы́л да и забы́ть не мог: стру́йки смета́ны с ба́бушкина ломтя́ стека́ли на живо́т и холоди́ли. Бы́ло щекóтно, но я всё вре́мя поёживался и крѣпко ежимáл но́ги, что́бы не протекло́. Как тут забу́дешь!

Припрѣ́тать что́-нибудь, одна́ко, бы́ло тру́дно. Ма́ма стоя́ла тут же, о́коло стола́, и смотре́ла на мою́ бы́струю рабо́ту. Ба́бушка то́же пришла́ в избу́ и сидѣ́ла недале́ко.

По сча́стью, в окно́ сту́кнули. Э́то Колю́шкина ма́ть заче́м-то вызы́вала мою́.

Тут уж на́до бы́ло успева́ть.

Я ухвата́л два ломтя́ хлѣба и сѹнул их за па́зуху, а что́бы не отдува́лась рубашка́, за́правил их по бока́м. Бы́стро вы́бросил из пра́вого карма́на всё, что там бы́ло, и наби́л его́ карто́шкой с бара́ниной. С ле́вым карма́ном бы́ло ле́гче. Там лишь́ берестя́ная червя́нка. Вы́тащить её, вы́грести оста́тки черве́й, напо́лнить карма́ны рыхло́ватым, тепло́ватым карава́ем — де́ло одної́ мину́ты.

Когда́ ма́ма верну́лась, я был сыт и чу́ствовал бы себя́ победите́лем, е́сли бы не прокля́тая смета́на. Она́ уже́ ползла́ по нога́м, и я боя́лся, что за́каплет из ле́вой штани́ны.

— За́чем Яковле́вна-то приходи́ла?

— Моло́ка крѣнку унесла́, Колю́шку покорми́ть. Ушка́, го́ворит, оста́влена была́, да ко́шка добы́лась¹. Ну, а бо́льше и нет ниче́го. Карто́шка да хлеб, а накорми́ть то́же охóта рыбо́лова-то свое́го.

---

¹ Добы́лась — здесь: добрала́сь, съела́.

— Как ведь! Всякому охота своего дитёнка в сытё да в теплѣ держать... Трудное у Яковлевны дѣло. Пятеро, все мал малá мѣньше, а сам вѣсье старик. Того и гляди, расчитают либо в караул переведут... На что только другой раз женился!

— Подымет Яковлевна-то. Опоёсками да вожжами всё-таки зарабатывает.

— Работящая бабёночка... что говорить, работящая, а труднёнько будет, как мужчиной копѣйки не станет. Ой, труднёнько! По себѣ знаю.

Мне давно порá было уходить. Под разговор мамы с бабушкой я думал убраться незаметно, но мама остановила вопрóсом:

— Егоранько, вы хоть где были-то?

Вопрос мне вѣсье не понравился. Неужели Колюшка про Вершинки выболтал? Как отговориться?

— Рыбáчили мы...

— В котóром, спрашиваю, мѣсте?

— На песках сперва... Тут Пѣтыша подъязка поймал.

— Ну?

— А я окуня... большóго-то...

Мама началá сердиться:

— Не про окуней тебá спрашиваю!

Но тут вмешáлась бабушка:

— Да будет тебѣ, Семёновна. Смотри-ка, парнишка весь ужáлся, нóги его не держат... Выспится — тогда и расскажет. Ночь на дворе-то. Светать, гляди, скоро будет... Иди-ко, Егорушко, поспи.

Хорóшая всё-таки бабушка у меня! Когда подходил к порогу, она потрепала по спинѣ и ласково шепнула:

— В сѣнцах-то, над двѣркой, кусок тебѣ положила. Ты его возьми с собой, а утром съешь. Тихонько бери, не перевёртывай.

— Со сметаной?

— Помázала, дитятко, помázала... Неуж одному-то внучóнку пожалѣю... Что ты это! Что ты!

Я и без того знал, что бабушка не жалѣла. Очувившись в тѣмных сѣнцах, первым дѣлом полѣз рукой в лѣвую штанину, чтобы остановить липкую сметанную струйку. Сметана будто

ждала этого и сейчас же поползла ещё сильнее во все стороны. Пришлось вытащить кусок и заняться настоящей чисткой — смазывать на пальцы и облизывать.

Тихо сидя на приступке, я слышал, как мама говорила:
— Из сыромятной кожи им надо карманы-то шить. Видела, как оттопырились? Чего только не набьют!

— Ребячье дело. Всё им любопытно.

— А мнётся что-то. Не говорят, где были. У Яковлевны-то эдак же. Знаешь ведь, он какой: не захочет, так слова не добьёшься.

— Наш-то простой. Всё скажет.

— Попытаю вот я завтра.

— Да будет тебе! Парнишко ведь — под стекло не посадишь.

Просто замечательная бабушка! Всё как есть правильно у ней выходит.

Кусок с наддверья я снял и сложил с тем, что вытащил из-за пазухи. Теперь у меня четыре куска да оба кармана полны. Ловко! Куда только это? Изменётся, поди, в карманах-то...

С ребятами надо сговориться, как завтра отвечать. С Петьшей нам просто, а вот как Кольшу добыть?

Через широкую щель забора поглядел к ним во двор. В избе всё ещё огонь. Колькина мать сидит за кроснами, ткёт тесьму для вожжей. Спит, видно, Колька. В сенцах ведь он. Разве слазить? В это время у них скрипнула ступенька крыльца. Идёт кто-то. Не он ли?

— Кольша, Кольша! — зашипел я в щель.

— Ну?

— Иди к нам спать! Петьша у нас же.

— Ну-к что, ладно. Мамонька до утра не увидит... — И Колька осторожно перелёз через забор.

Петька был уж на нашем сеновале и встретил ворчаньем:

— Ты что долго? Разъёлся без конца! Я уж давным-давно поёл. Чуть не уснул, а его всё нет! Достал хоть что-нибудь? Для того-то?

— Мы да не достанем! Четыре куска у меня. В одном кармане баранина с картошкой, в другом — каравай. Вот! — хлопнул я по карману.

— Молодѣц, Егѳрша! А я подцепѳл вяленѳхи два кускѳ да полкрѳжки горѳхового киселя. Тут, в сѣне, зарѳл! Ну, хлѣба не мог. Это так тѳчно. Тѳлько и есть, что те два кускѳ: Таѳткин да Афѳмшин. Хвѳтит, подѳй? Кѳльше вот не добѳть. Плѳхо у них.

Кѳлюшка, кѳтѳрого Пѣтька не замѣтил до сих пор, отозвѳлся:

— Картѳшка-то есть, подѳй, у нас. Семь штук в сѣнцах спрѳтал.

— Кѳльша! — обрадовался Пѣтька. — Тебѳ-то и нѳдо. Ты про Вершѳнки не скѳзывал?

— Нет, не говорѳл.

— Вот и лѳдно. Мы с Егѳршей тѳже не скѳзывали. Тепѣрь как? Менѳ спрашивают, где бѳли, а я и сказѳть не знѳю. Про то, про другѳе говорѳю...

— У меня ѣтак же. Мѳма спрашивает, сердѳться стѳла, а я верчѳсь так да сѳк, — отозвѳлся я.

— Кѳльша, тебѳ мѳть-то спрашивала? Потѳм-то, как кормѳла?

— Спрѳшивала.

— Ты что?

— Ну-к, я сказѳл...

— Что сказѳл?

— Сказѳл... промолчѳл...

Это показѳлось смешнѳ. Мы расхохотѳлись. На сосѣднем сеновѳле завѳзѳлся брат Пѣтьки — Грѳньша — и сѳнным гѳлосом проговорѳл:

— Вы, галчѳта! Спать порѳ. Скажѳ вот...

Грѳньша уснѳл, но мы уж дѳльше разговѳривали шѣпотом. Сложѳли все запѳсы в однѳ мѣсто и уговорѳлись зѳвтра идѳти не рѳно, бѳдто за ѳгодами.

Если бѳдут спрашивать о сегоднѳшнем, всем говорѳть однѳ: удѳли у Перевѳзной горѳ, потѳм увѳдели — нарѳд бежѳт, тѳже побѳжали поглядѣть, да на трактѳ и стояли. Ждѳли, что бѳдет, а ничѳгѳ не дождалѳсь. Так и не знѳали. Говорѳт, кѳтѳ-то убежѳл, егѳ и ловѳли.

Неугомонный Пѣтька хотѣл бѳло ещѣ уговорѳться:

— А где мы зелѣную кобылку ловѳли?

Но тут стал всхрѳпывать Кѳлюшка. И у меня перед гла-

за́ми ста́ла появля́ться ти́хая вода́, а на ней поплаво́к. Вот по-
шёл... пошёл... а!..

Пётка всё ещё что́-то говори́т. Опять ти́хая вода́, а на ней
поплаво́к... Потяну́ло... Окунь! Како́й большо́й! Тащи́ть порá,
а рука́ не подыма́ется...

ЗАГАДОЧНЫЙ ТУЛУНКИН

Утром, когда́ пи́ли чай, пришёл о́тец. Пришёл уста́лый, но
весёлый и чём-то дово́льный. Сел рядом со мной, придвинул
к себе:

— Ну как, рыболо́в, дела́-то? Много́ налови́л?

Я гото́в был сейча́с же бежа́ть на погребёицу за ры́бой, но
о́тец остано́вил, а ба́бушка сказа́ла:

— Сейча́с ушку́ варить ста́нем. Страсть хоро́шая ры́бка!
Оку́ньки бо́льше.

— Ты лу́чше спроси́, в кото́ром он часу́ домо́й пришёл, —
вмеша́лась ма́ма.

— Опозда́л, ви́дно? Насы́пала¹, по́ди, ма́ть-то, а? Она́,
брат, смотри́!

— Вот и пристрожи́ у нас! Ба́бушка — потако́вщица,
о́тец — ху́же того́.

— Вишь, вишь, кака́я сердита́я! — подмигну́л мне о́тец. —
Гляди́ у меня́, слу́шайся! Я вон небо́сь всегда́ слу́шаюсь. Как
гудок с рабо́ты — я и домо́й, и уходи́ть никуда́ неохота́. По-
кре́пче тебя́, а сию́, а ты вот всё броди́шь. Туда́-сюда́ тебе́
на́до. Сего́дня куда́ собрали́сь?

— По я́годы, тя́тенька. За Кара́ндашиху ду́маем.

— И то де́ло. Ско́ро я́годы-то от нас убе́гут, а ры́ба оста́-
нется. Успева́ть на́до. То́лько домо́й за́светло приходи́. Ла́дно?
Не серди́ ма́ть-то!

— Да бу́дет тебе́! Скажи́ хоть, куда́ вас гоня́ли?

— Доро́гу да лес кара́улили.

---

¹ Насы́пала — здесь: наказа́ла, побы́ла.

— Что их караулить-то?

— Станового спроси, ему виднее. Так и сказа́л: «Этих по-ста́вить карау́лить лес и доро́гу». Ну, мы и карау́лили.

— И что?

— Да всё по-хоро́шему. Доро́га на ме́сте, и со́сны не убе-жа́ли...

— Без шу́ток расскажи́, Васи́лий, — попроси́ла ма́ма.

А ба́бушка заворча́ла:

— Что, в са́мом де́ле, балагу́ришь¹, а про де́ло не ска́зы-ваешь!

— Нельзя́, мать, про э́то де́ло без шу́ток рассказа́ть. Ко́ли дура́к де́лает, так всегда́ смешно́ вы́йдет. Приду́мали то́же — наро́д вы́гнать политику́ лови́ть! Как же! Пусть са́ми ло́вят!

---

¹ Балагу́ришь — шу́тишь, смеёшься.

— Какую политику?

— Да, видишь, на Скварце — на золотом-то руднике под Вершинками — появился человек один. Из пришлых какой-то. Под землёй работал, как обыкновенно. Вот этот пришлый и стал с тем, с другим разговаривать про тамошние дела. Стал около него народ грудиться. Стража-то горная побивается под землю лазить, им и вольготно там. Соберутся да и судят. Про штрафы там, про обыски... ну, про всё рабочее положение и как лучше сделать. Кто-то всё-таки унюхал про это. Из начальства. Вчера, сказывают, как из шахты народ подыматься стал, его и хотели взять, а у него револьвер оказался. Стражники-то — они на голоруких храбрые, а этой штучки боятся — выпустили. Он в лес. Стражники давай стрелять в него, он опять в них. Перепалка вышла. Говорят, будто ему ногу подшибло пулей.

— Поймали его?

— Зачем поймали? Ушёл...

— С подстреленной ногой?

— Может, это ещё враньё — про ногу-то... Говорю, ушёл, да и как не уйти, коли стражники сами боятся в лес заходить! А нам зачем такого человека ловить?..

— Вы по лесу и ходили?

— Вроде облавы сделано было. Он, видишь, в том лесу был, между зимником да трактом, под самыми Вершинками. В пруд этот лесок выходит. Вот его и оцепили и по тракту до плотины народ поставили. В случае если пруд переплывёт, так тут его и схватят. Мы с Илюхой против Перевозной горы пришли. Только и видели, что стражники по дороге ездят да покрикивают: «Эй, не спишь?» А сами-то и проспали. Он знает что сделал?

— Ну?

— Переплыл, видно, пруд да к перевозу и пробрался. Там взял лодку — потихоньку — да прудом прямо к господскому дому. Ищи теперь! На Яшу Лесину приходят, почему лодку не уберёт, а он говорит: «Тут три стражника сидело, я и не караулил. Они спать завалились, а я сиди! Как бы не так!» Лодку-то оглядывают теперь, не осталось ли следов каких... Подходили мы с Ильёй. Серёжку какую-то там нашли да

панок-свинчатку¹. У нашего Егóраньки такой же есть. Зелёным крашен.

— Ты, Егóрушко, этот панок выбрось и не скáзывай, что у тебя такой был, — посове́товала ба́бушка.

Оте́ц расхохотáлся:

— Что ты, мать! Не б́удут же ребячьи ба́бки перебира́ть. Ма́ло ли крашенных панко́в.

Отцо́вский смех меня́ успоко́ил. На́до всё-таки ребя́там сказа́ть, что́бы про мой зелёнчик не помина́ли. Б́удто я ещё с весны егó проигра́л. Эх, како́й паноче́к-то был! И как э́то он выскользнул?

Успоко́енный, я стал собира́ться.

Ба́бушка, как всегда́, отреза́ла мне хлеба́, а ма́ма напо́мнила:

— Смотри́, не по-вчера́шнему! Глубоко́-то от доро́ги не ходи́те. Там и я́год нет. К пруду́ бли́же держи́тесь.

Колю́шка уже́ поджида́л на зава́линке, но Пе́тьки ещё до́лго не́ было. Мы понима́ли, почему́ он до́лго не выхо́дит. Ему́ на́до незаме́тно пронести́ корзи́нку с запáсами для ра́не-ного. Пе́тька же взя́лся разыска́ть посу́дину, кото́рую мы могли́ споко́йно оста́вить. Жда́ли терпе́ливо. Пе́тька вы́летел на-коне́ц и сра́зу набро́сился на нас:

— Вы что тут расселись, рóвно воробьи́ на жерди́нке! Про Сёньку-то узна́ли? Мо́жет, он с голубя́тнни карау́лит, а они́ сидя́т! Дра́ться-то, поди́, нам сего́дня не с руки́! Беги́, Егóрша, хоть к Пота́повым ребя́там. Посмотри́ из огоро́да, не ви́дно ли Сёньки ли́бо ещё каки́х первогла́нских.

— Ну-к, что бе́гать-то, так пройде́м.

— Говору́ — не с руки́ нам сего́дня дра́ться.

В э́то вре́мя из переу́лка показáлась ло́шадь, запряжённая в теле́гу. На теле́ге — стари́к и три же́нщины, за теле́гой — привя́занная хрома́я ло́шадь. Э́то был удо́бный слúчай. Мы сейча́с же забежа́ли с ле́вой сторо́ны и пошли́ ря́дом с теле́гой, оди́н за друго́м.

Немолода́я же́нщина спроси́ла:

— За каки́ми, ребя́та, ягода́ми-то?

— Каки́е попаду́т.

---

¹ Панок - свинчатка — то есть бítка или ба́бка, за́литая свинцо́м.

— За бруснікой-то рано ведь.

— Черника ещё попадёт. А вы куда?

Этот разговор был нам тоже на руку¹ — будто мы знакомые. Нам надо было со взрослыми пересечь улицу Первую Глинку.

В Горянке тогда был дикий обычай: ребятшки одной улицы были в постоянной вражде с ребятами двух соседних улиц. Почём зря тузили² один другого за то, что живут на улицах рядом.

В той стороне, куда мы шли, врагами нашими были ребята Первой Глилки. Во Второй Глилке уже были наши друзья, которые тоже воевали с Первой Глилкой.

В Первой Глилке, у самого переулка, справа, жил наш заклятый враг — Сенька Пакуль. Это был рослый, красивый, ловкий и очень сильный мальчик наших же лет. Но в школе он не учился. Совсем ещё маленьким он упал и прикусил кончик языка. Речь у него стала невнятной, над ним смеялись. Из-за этого Сенька не учился в школе, а ходил учиться к какой-то старинной мастерице³. Наших ребят он особенно не любил. Готов был целыми днями сторожить, чтобы поймать и поколотить кого-нибудь из наших, если узнавал, что прошли в их сторону.

Не дальше трёх дней тому назад нашей троишке удалось поймать Сеньку Пакуля с его другом Гришкой Чирухой, и мы их жестоко побили. Нелегко, конечно, это досталось. У Кольши появился пятый⁴ синяк, у меня удвоилась губа, но больше всех пострадал Пётка — у него были разорваны новые штаны. Как бы то ни было, мы всё-таки победили, и Пётка похвалялся:

— Будет помнить Сенька-то, как наших бить! Задавалко худоязыкое! Ещё кричит — выходи по два на одну руку! Вот те и по два! Получил небось. А этой поганой Чирухе я ещё покажу, как новые штаны рвать!

Мы теперь и боялись, как бы Сенька с товарищами не

---

¹ Разговор был на руку — то есть совпадал с их интересами.

² Почём зря тузили — без причины, попусту сильно дрались.

³ Ходил учиться к старинной мастерице — учился на дому у грамотной женщины.

⁴ Пятый — величиной с монету в пять копеек.

отплатил. Обошлось, однако, по-хорошему. Только один парнишка увидел нас и заорал:

— Эй, лебятá, Сестипятка идёт! Сестипятка! С Каменúски. Сестипятка!

Парнишка был нам не ровня. С такими не дерутся. Мы только сделали ему знак пальцем — утри сопли, да Пётка крикнул:

— Эх ты, сосунок! Говорить не научился!

Никого из ребят нашей ровни не было видно. Мы, конечно, больше поглядывали в сторону голубятни Сеньки Пакуля и пятистенника, где жил Гришка Чируха. Но тоже никого. Только уж когда подошли ко Второй Глинке, из-за угла выглянула лисья морда Гришки. Пётка погрозил ему кулаком:

— Я тебя научу штаны рвать!

Дальше шли вóвсе спокойно.

— Ну-ка, ребята, пошли поскорее. Сами-то небось наелись, а он — голодом.

— Верно, пошевеливаться надо.

Мы зашагали быстрее. Покосную дорогу через речку Карандашиху мы знали хорошо, первую просеку — тоже. Но чем ближе подвигались, тем больше тревожились.

Хотели поскорее увидеть, что раненый тут, никто его не хватил, и мы всё больше и больше поторапливались. Около просеки уже бежали бегом. Свернули налево и сейчас же запели про железную дорогу.

Спели раз, другой — никого. Мы продолжали петь. Опять никого.

— Вон пруд, ребята, видно, а его нет. Говорил — за Карандашеву гору проползёт. Как же так? Она, видишь, кончилась. Искать надо. Может, тебе, Егорша, свистнуть?

— Дойдём сперва до пруда, — предложил Колюшка.

— Что там делать-то? Говорил — в мелком лесу, а там видишь какой! Голова!

— Вот тебе и голова! Помните, сказал — до конца идите?

Опять запели про сороконожку и пошли к пруду. Вблизи берега, где лес совсем редкий, наш раненый отозвался. Где он? Близко вóвсе, а не видно. За деревом, что ли? Но вот зашевелилась куча хвороста. Вон он где!

— Не мог, ребятки, выше-то уползти. Что-то плохо мне, —

сказал незнакомец, когда мы подбежали к нему. — Воды принесите кто-нибудь.

Пётка вытряхнул перед раненым смесь горохового киселя с бараниной и творожником, выложил ломти хлеба и побежал с бураком¹ к пруду.

— И поесть принесли. Вот спасибо, ребятки! Да как много!

И он сейчас же схватил ломоть и жадно стал есть. Мы не менее жадно разглядывали своего вчерашнего знакомого. Он был ещё не старый, с короткими чёрными волосами и широкими бровями. Кожа лица и рук покрыта мелкими чёрными точками, как у слесарей. Подбородок сильно выдался, а глаза, казалось, спрятались под широким квадратным лбом. Ласковые глаза мало подходили к строгому лицу.

— Что глядите-то! — усмехнулся раненый. — Не видали, как голодные едят? Что говорят в заводе про вчерашнее?

Тут я принялся выкладывать², что слышал от отца. Раненый заметно заинтересовался:

— Где, говоришь, отец-то у тебя работает?

Я сказал, что у нас с Пётшей отцы работают в пудлинговом цехе, а у Колюшки — тот всю жизнь на домне.

— Лошадёй ни у кого нет?

— Лошадёй нет.

— Вот что, ребята... Вы бы мне слесаря Тулушкина нашли. В вашем краю живёт. На Первой Глинке.

— Приезжий какой?

— Нет, ваш, горянский. Мы с ним вместе в городе работали.

На Первой Глинке, как и на своей Каменушке, мы знали подряд все дома, но Тулушкиных там не было. Перебрали по памяти всех — нет Тулушкиных!

Раненый, однако, стоял на своём: есть.

— Писал ему раз. Дошло письмо, и ответ получил.

— На Первой Глинке?

— На Первой Глинке. Тулушкин Иван Матвеевич.

— Нет, такого не бывало.

Раненый всё-таки не верил нам.

---

¹ Бурак — круглая коробка из берёсты.

² Выкладывать — здесь: рассказывать.

— Вы вот что, ребята! Ступайте домой и там узнаете про Тулункина. Сходите потом — только не все, а один кто-нибудь — к этому Тулункину и скажите ему: Софроныч, мол, тебя ждёт с лошадью, а где ждёт — я укажу.

— Дяденька, да нам на Первую Глинку и ходить нельзя.

— Дерёмся мы с тамошними ребятами.

— Ну, помиритесь на этот случай.

— Легко сказать — помиритесь! Это с Сенькой-то Пакулем да с Гришкой Чирухой! Попробуй!

Мы быстро собрались домой, ягоды не стали брать. Решили сказать дома, что их вовсе нет в этом месте: брусника ещё белая, а других не осталось. На обратном пути не один раз перебрали всех жителей Первой Глинки. Может, пишется кто так? У нас ведь в Горянке чуть не у всех двойные фамилии. Пётка вон зовётся Маков, а пишется Насонов. Колюшка по-

уличному Туеско́в, а пи́шется Туры́гин. У меня́ то́же две фа-
мíлии.

— На́до, ребята́, всё-таки́ узнáть про Тулу́нкина.

— Ты сперва́ про друго́е ду́май! — сурóво сказа́л Пётъ-
ка. — Как прой́ти ми́мо Гли́нки? Сёнька-то, поди́, кара́улит.
Дума́ешь, Чиру́ха ему́ не сказа́л?

— Мо́жет, Сёньки и до́ма нет.

— Всё-таки́, ребята́, пойдём бе́регом.

— Там скорée на́рвёшься.

— Мы со Второ́й Гли́нки погляди́м. Если не купа́ются —
хо́ду пра́мо по воде́. Ла́дно? А Сёнька пусть сиди́т, как сыч, в
переу́лке кара́улит.

Сёнька оказа́лся хитрее́.

То́лько мы поравня́лись с Пе́рвой Гли́нкой, как на нас на-
летело́ че́тверо, а сза́ди, с огоро́дов, ещё́ перелёзло трóе. Нас
окружи́ли. Враги́ за́рaнее ра́довались:

— Попа́лась, Шести́пятка!

Но Пётъка не забы́л про разо́дранные штаны́ и зве́рем ки-
нулсá на Гри́шку Чиру́ху. Гри́шка был сла́бый ма́льчик, и
Пётъка с одно́го уда́ра сбил его́ с ног.

Колю́шка поше́л на Сёньку Па́куля, но тот уверну́лся, лóв-
ко подста́вил но́жку, и наш Медве́дко сýнулсá но́сом в зéмлю
на са́мый бе́рег. Меня́ тузи́ли дво́е шко́льных това́рищей и уже́
крича́ли:

— Корíсь¹, Егóрко!

Я, коне́чно, не мог допу́стить тако́го позóра и отбива́лся
как мог, хотя́ уже́ из носу бежа́ла кровь и рука́ была́ чем-то
расцара́пана.

По сча́стью, Пётъка изо́ всей си́лы залепи́л ка́мнем в ведро́
подходи́вшей к пруду́ же́нщине. Ведро́ зазвенело́, загромыха́-
ло и свали́лось на зéмлю. Же́нщина осви́репела² и бро́силась
с коромы́слом в са́мую гу́щу сва́лки. Мы воспользова́лись
этим и бро́сились наутёк к переу́лку.

Как раз в это́ вре́мя возвра́щалсá лесни́к верхо́м на ло́ша-
ди. Ехал он ша́гом. Это́ для нас бы́ло вы́годно. Мы из-за него́
могли́ отбива́ться ка́мнями, а на́шим врага́м это́го сде́лать бы́-
ло нельзя́. Так и ушли́.

¹ Корíсь — покорíсь, сдава́йся.

² Осви́репела — си́льно рассерди́лась.

Пётка мог всё-таки утешиться.

— Видели, ребята, как я Чирухе засветил? Два раза перевернулся! Будет помнить, как штаны драть!

Хоть Гришка и не перевёртывался двух раз, но нам самим похвалиться было нечем, спорить не стали. Колюшка только вздохнул:

— Кабы нога не подвернулась, я бы ему показал...

— Ежли да кабы стали на дыбы, хвостиком вильнули, Кольше подмигнули...

— У самого-то щёку надуло!

— Это мне Сенька вкатил. Хорошо бьётся, собака! Это так точно. В нашей бы улице жил, мы бы показали первоглинским! А Чируха — язва. Только и толку, чтобы одежду драть. Ему ловко, богатому-то!

— Вот и мирись с ними!

— А надо, — проговорил Колька, растирая медной пуговкой большую шишку на лбу.

— Наставят тебе с другого-то боку!

— Ну-к что, наставят, а мириться надо.

— Да как ты станешь с ними мириться? Покориться, что ли, Первой Глинке?

— Чтобы наши каменушницы первоглинским покорились! Никогда тому не бывать! Это уж так точно. Гляди, вон Сенька-то задаётся!

Над угловым домом Первой Глилки, где жил Сенька, взлетела пятёрка голубей. Нам с завалянки был виден и конец Сенькиного махала.

— Видишь, голубей выпустили. Хвастается — задавалко художьюкое! Постой-ко... — Пётка поглядел на нас, как на незнакомых, потом махнул головой: — Пошли, Егорша!

Он швырнул корзинку тут же на улице и бросился в калитку своего дома. Я не понимал, что он задумал, но тоже побежал за Пёткой.

Ухватив в сенцах коротенький ломок, Пётка полёз на сеновал.

Неужели он Гриньшиных голубей спустит? Это было страшно, но я всё же полёз за Пёткой. У нас ни у кого из троицы своих голубей не было, но у Петюнькиного брата Гриньши была пара ручных, подманных. Эту пару хорошо

знали по всему околóдку¹. Нам дóступа к ней нé было. Клётка всегда была на замкé, а ключ Гриньша носил с собой.

Пётка подсунул ломóк, нажал и выворотил пробóй.

— Свистí на выгон! — приказáл он мне, открывáя двéрцу клётки.

Я засвистáл, и пáра, хорошо зная своя дéло, сразу пошла на подмáнку, врзавшись сбоку в стáйку Сенькиных голубéй. На свист выбежала из избы Пёткина мать и закричала:

— Что вы, мошённики, дéлаете? Гриньша-то узнаёт — задаст вам!

— Он, мáмонька, сам велéл Сенькиных подманíть.

— А как его-то упúстите?

— Не упúстим! Подсвистывай, Егóрша.

С крýши нам виднó было, как метáлись на своей голубятне Сенька и трóе его друзéй. Залéз на голубятню какой-то во все большóй пáрень. Все они свистáли, подмáнивали голубéй, но напрáсно старáлись: вся стáйка слúшалась тепérь тóлько моего свíста.

Я ещё рáза три сгонял её вверх, потóм стал свистáть на спуск. Пётка ужé кричал вниз Кóльке:

— Тащи решетó да сбивáй ребят, какие есть! Сенька сейчас дрáться полéзет.

Через нéсколько минут всё было кóнчено. Гринькина пáра сидéла в своей клётке, а Сенькина пятёрка трепыхáлась в закрытóм решетé. Тóлько Сенька не лез дрáться. Он, как потóм мы узнали, ревёл, как мáленький.

— Тепérь, ребята, с Сенькой помирíться не стýдно, — объявил Пётка.

Подождáв немногó, мы вышли в переулок. Со стороны Пёрвой Гли́нки там ужé были все те ребята, котóрые недáвно нас тузи́ли. Вышел и заплаканный Сенька. Пётка звóнко крикнул:

— Сеньша, хошь отдам?

— За сколь?

— Так отдам. Без вы́купу.

— Обмáнываешь!

— Нет, по уговóру отдам.

---

¹ О к о л ó д о к — окрестность, соседние места.

— О чём уговор?
— Мириться.
— На сколь дней?
— Навсегда.
— С тобой?
— Нет, со всей нашей заединщиной. Со мной, с Кольшей, с Егоршей.

— А мне как?
— Ты сговоришься вон с Митьшей Потоповым, с Лейшей Шубой.

Петька указывал на самых крепких мальчуганов, наших одногодков. Они меня и колотили.

— Не будут если?

— Других подбирай. Только Гришку не надо. Он штаны новые дерёт.

Сенька недолго говорил со своими и крикнул:

— Давай!

— Навсегда?

— Навсегда! — крикнули на этот раз Митька и Лейко.

Мы сбегали за решёткой и передали его Сеньке. Тот сейчас же убежал на голубятню, посадил голубей, притащил решётку. Начался уговор. Обрадованный Сенька был готов сойтись на пустяках, но все остальные хотели мириться «как следует».

Мирились тогда у нас на «вскружки» — драли один другого за волосы. Вскружки были простые, сдвоенные, с рывком, с тычком, с поворотом, зависочки, затыльные до поясу, до земли.

Сенька сперва сказал — пять простых. Смешно даже! Пять-то простых — это когда из-за пустяковой рассорки дело выходило, а тут вообще другое: улицы мирились, да ещё навсегда!

Выбрали для такого случая три самых крепких зависочника да пять затыльников до земли, чтоб лбом в землю стукнуть.

Встали парами один против другого и начали выполнять уговор. Сначала они раз, потом мы, опять они, опять мы. Сенька из-за голубей и тут хотел поблажку Петьке сделать, да Петька закричал:

— Не в зачёт! Сенька мажет!

Дальше уже пошло по совести. Драли друг друга за волосы так, что у всех стояли слёзы на глазах. Нельзя же! Мирились не на день, а навсегда, да ещё с разных улиц. Дешёвкой тут не отделаешься! Составились ещё две пары, но Гришку Чируху никто не вызвал.

Когда мир был заключён, решили искупаться на каменистом берегу. У нас было удобнее, да и Пётке давно хотелось померяться с Сенькой на воде. Только куда Пётке! Сенька и заплывал и нырял много дальше. Потом Сенька боролся с Кольшей и тоже легко его бросил. Зато на палке Кольша всё-таки перетянул. Попытёл, конечно, а перетянул. Все три раза. Хотели ещё проверять — заставляли снова бороться, да Кольша сказал:

— Ну-к, он ловчее, а я сильнее.

На этом и согласились. Медведушко наш, и верно, ловкости большой не имел.

Мы — остальные — тоже боролись и на палке тянулись, но это уж так, для порядку. Зато наши новые друзья заказывали мне:

— Егорша, свисти по-атамански.

Я бы с радостью потешил друзей, но после первого же свиста из окон ближайших домов высунулись взрослые и на всякие голоса закричали:

— Егорко, уши оборвуй!

— Свисти ещё — я тебе покажу!

— Егорко! Ты опять? Сколько раз тебе говорить, а?

Пётка, всегда гордившийся моим свистом больше меня, похвастался:

— По всему заводу против нашего Егорши свистаря не найти! Мешают вот только парню! — кивнул он головой в сторону ругавшихся взрослых и сейчас же громко спросил первоглинских: — Ребята, у вас Тулункины есть?

Сенька с удивлением поглядел на него:

— Ты что, шутишь? Мы — Тулункины пишемся.

— Да ведь вы Кожины!

— Кожины, а пишемся Тулункины.

— Отца у тебя как зовут?

— Иван Матвееч.

— Сеньша, друг! Егó-то нам и надо!

— На что?

Этот вопрос смутил Пётку. Он метнул глазами в мою сторону и сказал:

— Егорше вон надо... Поклон, что ли, передать.

— Ну, что... Приходи, Егорша, в шесть часов. С работы он придёт.

Загадка была отгадана. Тулушкина нашли — и вообще близко.

ВЫСЛЕДИЛИ ДО КОНЦА

До шести ещё было далеко, и мы занялись игрой в городки, только перешли на Первую Глинку. У них было гораздо лучше играть, чем на нашем, каменушенском, косогоре.

В шесть часов я сходил к Ивану Матвеечу. Он только что пришёл с работы и умывался у крыльца. Я тут ему и сказал:

— Дяденька, тебя Софроныч с лошадью ждёт, а где — я укажу.

Иван Матвееч выпрямился во весь свой высокий рост и так, с мокрым лицом, спросил:

— Какой Софроныч?

— С которым ты в городе работал. Ещё письмо он тебе писал...

— Постой... Ты откуда его знаешь?

— Не велено скрывать.

— Да ты чей?

Я сказался. Иван Матвееч торопливо утёр лицо и руки, потом сказал:

— Пойдём к отцу. Знаю я его.

Пришли. Иван Матвееч сразу же сказал:

— Мне бы, Василий Данилыч, с тобой надо поговорить.

— Говори тут — некому у нас вынести.

— Нет, всё-таки надо бы по тайности.

— Тогда пойдём в огорód.

— И парнишку твоего надо.

— Неуж что худое¹ надёлал?

— Нет ровно.

В огороде у нас росли два черёмуховых кустá, под ними стояла скамёйка. Место это назывáлось садом. Тут и уселись.

Ивáн Матвéич, понизив гóлос, проговорил:

— Сынишка твой сейчáс мне поклóнчик пéредал от человека, котóрого ему́ ровно знать неóткуда. Стал спрашивать, где ви́дел, а он говорíт — не вéлено. Вот и повёл к тебе. Пусть расскажет.

Тут уж пришлóсь сказа́ть всё. Отец пожалёл:

— Ох, ребята, ребята, давно́ бы сказа́ть на́до! Хоть мне, хоть Гриньше, хоть Ильё. Бегí-ка за своими заедíнщиками да Ильё то́же позови́. Скажи́, де́ло есть.

Че́рез не́сколько мину́т на скамёйке прибáвился Илья Гордéич, Пёткин о́тец, а мы все трóе уселись на землѐ. Мой о́тец сам рассказа́л, как бы́ло де́ло, потóм сказа́л нам:

— Вы, ребята, тепѐрь про э́то забúдьте. Бúдто и не́ было. Слы́шали?

— Без вас того человека уберём², — доба́вил Илья Гордéич.

— Без нас не найтí, — отвéтил Пётка. — Он на на́шу пѐсенку отзы́вается, а вы не уме́ете.

— Найдём и та́к. А вы забúдьте! Никому́ чтóбы! Панóк-то, Егóрша, не твой?

— Мой...

— Смотри́! Всем говорí — давно́ потеря́л.

— Я так и думал...

— Ну, а тепѐрь бегíте игра́ть.

Когдá нас так отстранíли, Пётка пѐрвым де́лом налетёл на меня́:

— Распусти́л язы́к! Всё им сказа́л. Кто тебя́ проси́л?

— Сам бы и шёл!

— «Сам бы, сам бы»! А ты что?

— А то... Не повéрил Ивáн Матвéич. Пойдём, говорíт, к отцу́.

— Ну?

— Ну я и рассказа́л.

---

¹ Худóе — плохóе.

² Уберём — здесь: спрячем, убережём.

- Всё, как было? И про место, где он лежит?
- И про место...
- Вот и вышел «малый мой, малый мой, понесу тебя домой!»! Теперь, думаешь, они что скажут?
- Так ведь спрячут его.
- Спрячут-то спрячут, да тебе не скажут. Слышал у них разговоры: отвяжись! не твоё дело!
- Узнаем, поди, потом, — отозвался Колюшка.
- Когда узнаем? Как большие вырастем?
- В это время отворилась калитка. Вышел Иван Матвеевич и не спеша зашагал к своей улице. Вскоре вышли и наши отцы.
- Отец Пётки зашёл к себе во двор, а мой прошёл мимо и повернул в переулок налево.
- Видал? Сговорились уж, а про нас и помину нет! Это так точно.
- Ну-к что...
- Вот те и «ну-к»! Узнать-то охота или нет? Бегі, Егорша, за отцом. Если он брат не станет — скажи, в Доменную, мол, надо, а мимо Кабачкой боюсь один. Я к Сеньше сбегая. Пусть он за своим отцом глядит. А ты, Кольша, тут сиди. Никуда, смотри, не уходи. Если мой тятя куда пойдёт, бегі за ним.
- Своего отца я догнал, когда он поравнялся с соседней Кабачкой улицей. Отец усмехнулся:
- Тебе куда?
- Я, тятенька, в Доменную... К Силку Биденку.
- Зачем это?
- На этот вопрос я не знал, что сказать. Никак не придумалось.
- Так... Говорят, у него крючки есть...
- Самолёвы, поди?
- Я обрадовался и принялся врать о крючках, но отец не дослушал:
- Ступай домой.
- В голосе не было строгости, и я уже по-простому запроектировался:
- Я с тобой пойду!
- Нет, Егоранько, нельзя. Потом тебе скажу...
- Когда скажешь?

— Ну, когда надо, тогда и скажy. Ступай! Нёкогда мне. — И отец нахмурился.

Приходилось идти домой без удачи.

Петьки ещё не было. Кольша спокойно сидел на завалянке у Маковых. Я сказал, что отец меня воротил, и в утешение себе добавил:

— Обещался потом сказать.

— Ну-к, я говорил — скажут. Зря Петьша трепещется.

С этим я не мог согласиться. Когда ещё скажут! Надо теперь узнать.

От Маковых вышел Илья Гордеч. Одёт он по-праздничному, но как-то чудно: ворот синей рубашки расстёгнут и торчит заячьим ухом, суконная тужурка надета в один рукав, левый карман плисовых шаровар вывернут, фуражка сидит криво и надвинута на глаза. Что это с ним? На ногах нетвёрдо держится. Когда напился? Сейчас трезвехонек был.

— Что, угланята¹, усталились? Пьяных не видали? — спросил Илья Гордеч и, пошатываясь, пошёл вверх по улице.

Мы переглянулись и стали смотреть, что будет дальше. Пройдя домов пять, Илья Гордеч совсем по-пьяному затынул:

Ой-да, ой-да за горой,
За круто-о-ой...

Запахавшись, прибежал Петька и стал рассказывать:

— Сеньшин отец с удочками пошёл! В ту сторону... Понятно? Не поймать ли, говорит, вечером ёршиков, а у самого и червей нет и удочки у Сеньши взял. Рыболов, так точно... У вас что?

Мы рассказали. Петьку больше всего удивило, что отец у него напился.

— Вина-то в доме ни капельки. Знаю, поди. Выдумываете?

— Ну-к, гляди сам. Вон он у Жиганова дома куражится².

— Верно... Пошли, ребята!

Около камней у дома подрядчика Жигана стоял Илья Гордеч и громко спрашивал двух работников Жигана:

---

¹ Угланята — баловники, шалуны.

² Куражится — здесь: шумит, кричит.

— Мне почему не гулять? Сенцо-то у меня видали? Что ему делается, коли оно у меня под крышей... а? Слыхали про Грудки-то? Нет? Все зароды¹ в дыму. Не слыжали?

Со двора торопливо выбежал Жиган и, отирая руки холщовым фартуком, спросил:

— О чём ты, Гордеч?

— Тебя не касаюсь... С ними разговор.

Илья Гордеч, сильно шатаясь из стороны в сторону, пошёл дальше и опять запёл:

Ой-да, ой-да за горб-о-ой...

Жиган поджёл губы:

— Напьются, главное дело, а тоже! Что он сказывал?

— Ну, выпивши человек... мало ли сболтнёт... На Грудках будто сено горит.

— На Грудках?

— Все, говорит, зароды в дыму.

— На Грудках?

— Так сказывал. Пьяный ведь — что его слушать.

— Тебё, главное дело, горюшка мало, что у хозяина на Грудках три зарода. Работнички!

Увидев нас, Жиган спросил Петьку:

— Был у вас кто нонче?

— Не видал.

— Говорил отец с кем-нибудь?

— Стоял давеча в заулке. Разговаривал с какими-то.

— С кем?

— Нездешние. По-деревёнскому одёты. С вилами, с граблями... На паре. Пятеро их.

— Откуда ёхали?

— С той стороны, — указал Петька.

— О чём говорили-то?

— Не слушал я.

— Ну и сосёды у меня! Им бы, главное дело, худёе человеку сделать! Про беду сказать — язык заболит! По пьяному делу разболтался, и то за счастье почитай. Чем, главное дело, я поперёк горла людям стал? — И Жиган, потряхивая козлиной бородкой, побежал во двор.

Илья Гордеч между тем перешёл на другую сторону ули-

---

¹ З а р о д ы — стог сена.

цы и остановился перед окнами чеботаря¹ Гребешкова. Пётка удивился:

— На что ему Гребешков сдался? Сам Гриньше говорил: «Берегись Дятла, наушник² он, для виду только чеботарит».

Илья Гордеч сел на завалинку и стал скручивать сигарку. Возился он с этим долго. Бумага не слушалась, табак сыпался на землю. Вышел Гребешков — маленький вертлявый человечек с большим носом, взял у Ильи Гордеча кисет и бумагу и свернул две сигарки. Не было слышно, о чём они говорили, но вот Илья Гордеч стал стаскивать с левой ноги сапог. Делал он это очень долго. То наклонялся чуть не до самой земли, то откидывался назад. Когда сапог был снят, Гребешков ушёл с ним в дом, а Илья Гордеч остался на завалинке. Со двора Жигана вылетела запряжённая в телегу пара «праздничных», соловых³ с белыми гривами и хвостами. На телеге сидели Жиган, двое работников и работница. Телега загремела вниз по улице и свернула в переулок налево. Вышел Дятел с сапогом. Илья Гордеч опять долго возился, надевая сапог, потом притопнул ногой, поднялся и указал рукой на кабак. Дятел что-то говорил, как будто отказывался, но кончил тем, что снял с головы ремешок, которым были стянуты волосы, забросил в раскрытое окошечко, и оба они зашагали к кабаку.

— С Дятлом пошёл! Нашёл дружкя! — осудил Пётка своего отца.

Нам тоже было удивительно, что Илья Гордеч вдруг связался с пьянчужой Дятлом. Чтобы ждать было не скучно, мы стали играть шариком с верховскими ребятами.

Становилось темно, когда Илья Гордеч вышел из кабака. Дятла с ним не было. Илья Гордеч, пошатываясь, пошёл домой. Песни на этот раз он не пел. Нам пришлось доигрывать, и мы потеряли из виду Илью Гордеча. Как только кончили игру, побежали домой. Остановились у Колёшкиного дома.

— Егорша, давай не будем спать эту ночь. Ладно? Ты за своим отцом гляди, я — за своим. Это будет так точно. Ты, Кольша, тоже не спи!

---

¹ Чеботаря — сапожника.

² Наушник — человек, который тайно наговаривает на кого-нибудь, клеветает.

³ Соловый — масть (цвет шерсти) лошади.

Ребята стали смотреть, что будет дальше...

— А мне за кем глядѣть?

— А ты... за нами, чтоб не уснул кто. К Егоруше на сеновал приходи.

— Ну-к что... Ладно.

Отца своего я застал дома. Он сидел у огня и подшивал сапог. Мама готовила ужин, а бабушка вязала. Мама с бабушкой разговаривали, отец молчал.

После ужина я не пошел сразу на сеновал, а притаялся во дворе — не услышу ли тут какой-нибудь разговор взрослых. Так и вышло.

Вскоре из дому вышел отец и, попыхивая трубкой, сел на крылечко. Как только на колокольне пробило двенадцать, отец подошел к соседнему забору и тихонько кашлянул. Ему ответили тем же.

— Ну что?

— Разыграл. Жиган угнал на Грудки, Дятел без задних ног. Чуть не две бутылки в него вылил да еще сорок копеек дал. У тебя что?

— Дедушко сам взялся проводить. Говорит, от Карандашихи через Жиганову займку¹, потом болотами на Горнушинский прииск, а он чуть не к самой Чесноковской больнице подходит. Двадцати будто верст не выйдет.

— В Чесноковском, скáзывают, доктор молодой, а дельный.

— В котóром часу Филат Иваныч заедет?

— Велел, как час бить стáнут, наготове быть.

— Слушай-ка, Василий, не бойтесь доктор на лечение принять? Данó, поди, знать в Чесноковский.

— Да ведь он по чужóму виду² на рудникé был прописан. Настояще-то его зовут Михайло Софронич Костарев. Из Чесноковского он родом-то, только смóлоду в городе работает.

Теперь я знал всё. С трудом удерживался, чтобы не броситься на сеновал. Еле дождался, пока отец выбивал табачную золу и бродил по двору. На сеновале я хотел было выпалить всё Петьке, но он, оказывается, тоже слышал весь разговор.

---

¹ Займка — пашня, поле, расположенные вдали от других земель деревни.

² По чужóму виду — по чужóму паспорту.

На друго́й день мы узна́ли, что Сёньшин о́тец с утра́ был на рабо́те, а на́ших не́ было до ве́чера.

Отцу́ я не напомина́л обеща́ния, но о́сенью, когда́ мы уже́ ходи́ли в шко́лу, он сам сказа́л:

— Вы́лечили, Егору́нко, того́...

— Миха́йла Софро́ныча? — не удержи́лся я.

— Ты отку́да зна́ешь, как его́ зову́т?

— Сам тогда́ ска́зывал...

— Вам?

— Нам.

— Ой, па́рень, смотри́! Не ве́рю я что́-то.

Ве́чером в ба́не у Ма́ковых, где Илья́ Горде́ич поправля́л зи́мние ра́мы, собра́лись на́ши отцы́ и ста́ли «доспра́шивать-ся», что мы зна́ем. Снача́ла мы отмалчива́лись, пото́м э́то на-до́ело. Пе́тька махну́л руко́й и вы́палил:

— Все́ зна́ем. Слы́шали ваш разгово́р.

— Чи́стая беда́ с ва́ми, ребята́! Не сболтните́ хоть!

— Мы́-то? Э́то уж бу́дьте в наде́жде! Умерло́!

— Умерло́! А Гры́ныше ска́зывали?

— Гры́ныше, коне́чно... Не ма́ленький, поди́, он.

— А Сёньше?

— Ну-к, Сёньша заеди́нщик... Навсе́гда!

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Л. Скоринó. Писáтель и его рóдина . . . . .</i>	<i>3</i>
<i>За больш́ими окуня́ми . . . . .</i>	<i>7</i>
<i>В лесу́ под вы́стрелами . . . . .</i>	<i>14</i>
<i>Мýмо двойно́го карау́ла . . . . .</i>	<i>26</i>
<i>Дóма . . . . .</i>	<i>35</i>
<i>Зага́дочный Тулу́нкин . . . . .</i>	<i>42</i>
<i>Вы́седили до концá . . . . .</i>	<i>55</i>

Д л я   н а ч а л ь н о й   ш к о л ы

Павел Петрович Бажов

З Е Л Е Н А Я   К О Б Ы Л К А

П о в е с т ь

Ответственный редактор *Г. В. Кузнецова*. Художественный редактор *И. Г. Найдёнова*. Технический редактор *И. П. Савенкова*. Корректор *З. С. Ульянова*. Сдано в набор 8/І 1976 г. Подписано к печати 23/ІІІ 1976 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 3,49. Тираж 150 000 экз. Заказ № 16. Цена 15 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Цена 15 коп.